

Анатолий Головков

ТЕРРОРИСТЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анатолий Головков

Террористы

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Головков А. Э.

Террористы / А. Э. Головков — «ЛитРес: Самиздат», 2001

ISBN 978-5-532-05052-5

Вынужденный покинуть Российскую империю вслед за высланной на лечение женой-эсеркой, ученик Жуковского Максим Ландо строит аэроплан нового типа, не зная, что он заказан террористами Боевой организации. А бомбардировщик хотят использовать для покушения на царя. В эти планы вмешиваются таинственные силы. Максим получает возможность перемещаться во времени, а значит, — исправлять ошибки прошлого, в том числе, и сорвать планы террористов. Но вмешательство в ход истории оборачивается для героев непредсказуемыми последствиями. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05052-5

© Головков А. Э., 2001
© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОБЛАЗНЫ.	7
Глава 1. ВЫСТРЕЛ НА АЭРОДРОМЕ	7
Глава 2. ВСЕ НАЧАЛОСЬ С КОШМАРА	12
Глава 3. КАЗНЬ	16
Глава 4. «АЛЬПИЙСКАЯ РОЗА»	19
Глава 5. ИЗОБРЕТАТЕЛЬ В ИЗГНАНИИ	21
Глава 6. СКВОЗЬ ВРЕМЯ	24
Глава 7. СЛУЧАИ И СЛУЧАЙНОСТИ	26
Глава 8. КРЫСОЛОВКА	29
Глава 9. ЗЕЛЕННЫЕ ДРУЗЬЯ ЧЕЛОВЕКА	33
Глава 10. АРКАИМ	37
Глава 11. ДОСТУП	41
Глава 12. ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ	43
Глава 13. БОМБАРДИРОВЩИК	47
Глава 14. РАССОЛ ДЛЯ БОМБИСТА	51
Глава 15. КОРРЕКТИРОВЩИКИ	53
Глава 16. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ	55
Глава 17. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ	58
Глава 18. ИНВЕСТИТОР ПРИБЫЛ	59
Глава 19. МЫСЛИ ОДИНОКОГО ЗВЕРЯ	63
Глава 20. ПРЕЗЕНТАЦИЯ	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Памяти моей любимой сестры, Наташи Грапп

ОТ АВТОРА

Долгом чести полагаю поклониться памяти людей, без которых мой замысел вряд ли был бы осуществлен, – памяти астрофизика Николая Козырева и писателя Юрия Давыдова.

Роман «Террористы» является новой редакцией в значительно переработанного, фактически переписанного романа «Воздухоплаватель», изданного в 2005 году в Москве издательством «Изограф».

Совпадения географических названий, имен политиков и деятелей науки, культуры являются случайными и не имеют отношения к реальным событиям и фактам.

Император:

Мудрец уж занял пост исконный,

Но нет шута на наше горе.

(В. Гете, «Фауст», ч. II).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОБЛАЗНЫ.

Глава I. ВЫСТРЕЛ НА АЭРОДРОМЕ

««Еще раз, преподобный отец», – говорил Кандид барону, – прошу прощения за то, что проткнул вас шпагой».

Вольтер

Германская Империя, предместье Мюнхена, 1909 год, октябрь
Штабс-капитану Максиму Ландо требовался один патрон. А он наполнял всю обойму, взводил курок, но выстрелить не мог.

До такой степени, что ему уже казалось – он держится за спусковой крючок, как за канат над пропастью.

Он примерял оружие к виску и груди, засовывал ствол в гортань. От привкуса смазки горло сводила судорога, на ладони отпечатались насечка рукоятки, пальцы побелели.

Под утро грохнул выстрел, и Максим подумал, что он на том свете.

Понятно, он провел ночь наедине с оружием.

Теперь в дом беззвучно входила полиция с репортерами. На Максима в стороне будто бы не глядели. Сыщиков занимал его труп, криво застывший в кресле.

Поэтому сыщики трогали труп, приподнимали голову, отдирали волосы от крови, измеряли и записывали.

Щелкал затвор, вспыхивал блиц в стеклянном шаре, пахло озоном.

Максим представил уголовное дело с фотографией жертвы. Не себя, а именно того, кто привалился к письменному столу с пистолетом в упавшей руке. И некролог в «Abendzeitung», который он уже навеки не сможет отменить, потому что сообщение о смерти и есть смерть.

Он вышел на крыльцо, и увидел, что вчерашний дождь не закончился. Мутные полосы хлестали по ангару и ветрякам, по траве аэродрома. И он понял, что таким бывает именно первый дождь второй жизни людей. Ведь разве – будь Максим мертв, – стал ли бы он ежиться от сырости?

Максим подумал и выбросил браунинг в яму с водой.

Ну, выбросил, и ладно. Все равно не помогло.

Его потом еще долго преследовало видение: будто он гонит плоты по реке, и вот-вот рухнет в водоворот. На самом деле, Максим никогда не был плотогоном. Так что неоткуда было знать, что сердце плотогона иногда ускользает за бревна и притворяется рыбиной, а погуляв на воле, возвращается. Это еще легче перепутать со смертью.

Как он очутился в Германии? О, это странная история!

Дома он громко защитил диплом, увлекся авиацией, ему присвоили офицерское звание, и стали учить пилотировать аэропланы.

Гатчинские курсанты потом стали военными летчиками, а Ландо – конструктором самолетов. Он помогал Сикорскому, сам батька Жуковский благоволил к нему и позвал к себе в Аэродинамическую лабораторию.

Но тут Максим влюбился.

С первых свиданий Ландо понял, что Таня сколь красива, столь и сумасбродна. Но не знал, что она член тайной Боевой Организации эсеров. То есть, террористка.

А когда узнал, было поздно, Ландо пропал. Ради Леонтьевой он бросил карьеру ученого. Из-за нее ушел из Лаборатории Жуковского, из армии. И спасая Таню, пустился за ней по Европе.

Когда же посыпались неприятности, было глупо задаваться вопросом, почему он пошел за женщиной, а не она за ним.

Сначала Максиму нравилась игра с полицией, похожая на казаки-разбойники. Ему нравились мелькание городов, гостиницы, тайные встречи, закладки секрета. С волнением и сердечным колотьем он передавал опасные свертки, запрещенные книги, бутылочки со всякой дрянью, вроде кислоты или порошка Бертольда Шварца.

Ландо познакомился с миром, настолько скрытым раньше, что ему с трудом верилось в его существование.

Он без звука чистил Танино оружие, ремонтировал печатные станки для листовок, придумывал к ним всяческие приспособления, ждал девушку с заданий и очень переживал.

Он восторгался Азефом и Савинковым даже когда еще их не знал.

Его волновала готовность эсеров погибнуть «ради революционного дела».

Ему казался близким их лозунг: «В борьбе обрешь ты право свое!» Он волновал Максима. Конечно же, – в борьбе! Конечно же, право! А, может быть, даже и счастье?

Боевики рядились в швейцаров, извозчиков, лоточников, галантерейщиков, акушеров и учителей. Последствия террора его почти не интересовали, он узнавал о них из газет.

Метальщиков разрывало на клочки при собирании бомбы. Многих брали до покушения, сажали, ссылали в Сибирь, откуда они писали романтические письма.

В двадцать лет Таню Леонтьеву выследили агенты генерала Герасимова, начальника Департамента тайной полиции. Перед покушением на Плеве у нее нашли динамит.

Ее усадили в тюрьму, где она сразу же стала косить под шизофреничку. В тот раз Леонтьевой повезло: отец помог ей освободиться при условии, что она покидает Россию.

Конечно же Максим последовал за ней!

Последовал, но не знал, что в судьбе Татьяны, – а этой судьбы хватило бы на несколько заурядных биографий девиц из Смольного! – аромат духов «Rue de la Paix» навсегда смешался с пороховой гарью.

Вот откуда Германия!

А там, в Германии, Ландо, которому изрядно надоели браунинги и взрыватели, заболел идеей построить. Аппарат, который передвигается в воздухе, подобно птице. Типа, как орел небесный.

В начале несчастного XX века к таким идеям европейцы относились иронично. Не серьезней, чем к вечному двигателю. Но Максима это не охладило.

Он знал опыты Татлина, Пишанкура и Густава Труве. Французы не продвинулись дальше моделей, и вскоре оставили затею.

Он читал «Вестник воздухоплавания», изучал проекты мускулолетов, чертежи Михневича и Спицына с махолетами, воздушные велосипеды Германа и Митрейкина.

Ни одна из этих машин не поднялась в воздух.

Но все равно, имея самолеты, он пытался превратить крылья в движитель.

Ландо вместо уток или куропаток расстреливал в германских лесах ворон, соек, голубей. А если повезет, и ястребов. Поэтому его часто видели на берегу Китцельзее, обвешанного странной добычей.

Люди не знали, что дома русский не жарит птиц, а подвешивает к потолку, раскладывает на столе. Его интересовало отношение веса вороны к площади ее распущенных крыльев.

Цифры путали его до тех пор, пока Ландо не настрелял чаек на озере Шпайхерзее. Он понял, что при полете крылья птиц испытывают нагрузку около 5 кг на квадратный сантиметр.

Крылья он соорудил быстро, но затем едва не зашел в тупик из-за проблем с шарнирами, к которым они должны крепиться: требовалось облегчить аппарат и сделать сильнее двигатель. Обычный металл утяжелял конструкцию. Поэтому Ландо, подобно алхимику, сидел перед тиглем, смешивая всякие компоненты, пока не получил сплав легкий, как морская пена, и прочный, как корунд.

Орнитоптер, и вправду похожий на чайку, должен был вырваться из плена матери Земли с помощью мотора «Эно-Пельтерн», 27 лошадиных сил. Денег не хватало и пришлось продать кое-что из фамильных драгоценностей жены. Но Таня не сердилась. Ей нравилась «чайка», как, впрочем, и другие изобретения Ландо.

Однако когда птица затряслась, поднялась на несколько метров и рухнула в траву, жена испугалась. Максим получил сотрясение мозга, вывихнул руку, сломал ногу и пару ребер, и почти два месяца провалялся на диване с книжками, в мрачном осатанении. Едва сняли гипс, он снова переделывал аппарат. Однако неудачи, предсказанные французами, следовали одна за другой: орнитоптер не желал взлетать. Он подпрыгивал, кружился на месте, зарывался носом.

Таня, обложившись подушками, вязала Максиму шарф, серый, в черную и красную полоску, но, закончив работу, распускала нитки и начинала заново.

– Разве не видишь, – говорила она, – дни идут, ты мечешься. Все бессмысленно, страшно и темно. Надо что-нибудь срочно предпринять. Увези меня к морю».

– К морю? – рассеянно отзывался воздухоплаватель, и рылся в тумбочке, ища ментоловый карандаш. – Что мы будем делать у моря?

Дата полета ему приснилась во сне, и он сказал, что летит четвертого.

Правда, четвертого июня они поссорились. Леонтьева обвиняла мужа в мистике и просила отложить испытания. Ландо метался по дому, искал капли от нервов. Когда она поняла, что уговоры не помогают, стала просить, чтобы он взял ее с собой:

– Если уж ты так желаешь разбиться, давай сделаем это вместе.

– Очень трогательно, – отвечал Максим, – отличный сюжет. Думаешь, мы войдем в историю? Поговорят и забудут.

Он уже запустил двигатель, когда увидел, что жена идет в его сторону, но как-то неуверенно: шатаясь и будто бы ища руками опору. При этом Максима удивило, что Таня оделась, как на званый ужин: на ней было платье цвета индиго, за спиной, сорванная ветром, болталась шляпа.

Максима охватили плохие предчувствия. Он знал, почему. Таня давно болела опасной формой туберкулеза, и уже больше лежала, чем ходила. Он побежал навстречу и едва успел подхватить ее на руки. Пошла горлом кровь, кожа сделалась желтоватой, как засвеченная фотобумага, ногти посинели, лицо приняло удивленное выражение.

Максим тряс ее за плечи, делал искусственное дыхание, щупал пульс, – тщетно.

Он не знал, сколько времени просидел рядом, глядя Таню по волосам, которые казались приклеенными, как у куклы. Он не мог поверить, что жена умерла, было легче думать, что заснула. Но, осознав, наконец, что это не сон, не обморок и даже не кома, Ландо повел себя, как безумный. Он вытер кровь на ее лице, понес к орнитоптеру, усадил на заднее сиденье, привязал ремнями и взлетел.

Орнитоптер будто бы ждал жену Ландо. Он замахал крылами, послушно оторвался от земли и полетел.

За деревьями начинались предместья, тянувшиеся до самой окраины Мюнхена, а дальше остальной мир.

Ландо сделал несколько кругов над этим миром, который казался ему враждебным, посадил птицу, и вдруг увидел погибших друзей.

Они стояли недалеко от ангара и Фрегата, где они прожили с Таней последние месяцы. Приведения выглядели как в Гатчинской авиашколе – загорелыми, в куртках на меху, в ярких шарфах, кожаных шлемах и в очках, похожих на глаза стрекозы.

Еще не так давно они испытывали русские машины, собранные в Гатчине. Проектировщики, которые не только никогда не летали на самолетах, но даже не видели их, отказывались слушать советы Ландо. Они выполняли приказ, так как империя отказалась покупать аэропланы у братьев Райт, дорого. В итоге деньги были потрачены, аппараты получились несовершенными.

Саша сгорел заживо, впервые поднявшись на биплане-тандеме Шабского – взорвался карбюратор. Василий погиб позже: его, пилота «двенадцатого Лебеда», одного из первых русских бипланов, сбили в бою на Балканах. Иван пролетал дольше других, но однажды его «Вуазен» попал в штопор из-за винта, расположенного за крылом...

Теперь они наблюдали, как Ландо выбирается из орнитоптера.

При виде погибших авиаторов Максим подумал, будто они ему мерещатся.

Он перекрестился, прыгнул на траву и хотел заняться женой, но тело ее исчезло.

Услышав разговор за спиной, он обернулся и увидел, что невредимая Таня стоит рядом с пилотами, и они держат ее под руки. Все четверо улыбались, словно предстояла вечеринка.

Максим, чувствуя помрачение, стал на коленях просить, чтобы Таню не забирали. Ведь она только что умерла. Саша сказал, что кому как не друзьям теперь позаботиться о ней? Когда они погибли, Ландо тоже заботился об их семьях. Все будет хорошо. Ведь они отправляются не куда-нибудь, а в края приличные, с умеренным климатом и прекрасным ландшафтом, именно в Страну Зеленых Озер, так что Максиму незачем волноваться.

– Перестаньте, ребята, – сказал штабс-капитан, – сейчас не самый подходящий момент для розыгрыша. Мертвые не воскресают.

– Правильно, Макс, – согласился Иван. – Но мы теперь точно знаем, что нет жизни и нет смерти. Есть только условия пребывания сущности в пространстве.

Тут раздалось гудение, и над аэродромом снизился аэроплан с красными звездами на крыльях. Таких аэропланов никогда не видел Максим. Он насчитал восемь моторов!

Перекрывая гудение, из громкоговорителей в подбрюшье гиганта грянуло «Все выше, и выше...». Закрыв собою горизонт, самолет приземлился, оставляя колесами глубокую колею в траве.

«Максим Горький», – прочел Ландо.

Он никак не мог взять в толк, почему на фюзеляже начертано имя этого писателя. Почему, например, не Бунина? Что же касается посадки гиганта на немецком аэродроме, штабс-капитан, перебрав в голове все возможные варианты, остановился на единственном, хотя и маловероятном объяснении: данный «Максим Горький» мог появиться только из будущего.

Самолет между тем остановился у ангара, но пропеллеры вращались, видно экипаж торопился. Ему показалось, что в иллюминаторах мелькают лица. И вправду, дети размахивали красными флажками.

– Постойте же, черт вас подери! – крикнул Максим друзьям. – Что я буду делать без Тани? Если вы в Россию, заберите и меня!

– Извини, – ответил Василий, поднимаясь по трапу и увлекая за собой остальных, – мы не в Россию. А куда едем, тебе нельзя, еще не вышел срок.

Леонтьеву отпевали в русской часовне.

Панихиду служил протодьякон, сын эмигрантов.

Он читал канон с акцентом, изредка косился на немцев, которые крестились по-лютерански. Поскольку немцы не понимали ни слова, они больше внимали убогому хору – трем старухам и двум мальчикам-близнецам, внукам торговца рыбой.

Тускло звонил колокол.

Дома Ландо вытряхнул из шкафа Танину одежду, сложил в бочку, облил бензином и поджег. Зачем-то расколотил чашку с горным пейзажем и надписью «Vergessen Sie Interlaken nicht!»

Потом сделал чисто по-русски: заперся и запил.

По мере выпивания Максим перебил все зеркала в доме, чтобы Таня, если снова появится, не увидела его отражение, не застала врасплох жалкую его фигуру. Отражение ползало на четвереньках и бормотало нечто бредовое. Оно вроде бы приманивало смерть ласково, как домашнего зверька, то обрушивало на нее проклятия.

Максим опустошал одну бутылку за другой, что было в равной степени бесполезно: мало ли по какой причине девушка могла задержаться? Ее могли отвлечь, к примеру, землетрясение 1909 года в Акапулько, гражданская война в Гондурасе, или что-нибудь еще.

Время спрессовалось в одну грязную полосу.

Добравшись до конца этой полосы, штабс-капитан Ландо, наконец, понял, что потерял всё, – и родину, и друзей, и жену.

С кем-то случается и похуже, но родиной его была Россия, друзья лучшими, а жена любимой.

Когда жены не стало, Максиму показалось, что нечего больше ждать, тем более что в смерти ее он обвинил себя. Это нередко происходит с людьми порядочными и чувствительными. Но был ли он, действительно, виноват или так сложились обстоятельства, – кто теперь докажет.

В ангаре над верстаком висела Танина фотография, и Ландо отправился туда.

Жена смотрела куда-то в сторону, дурашливо и равнодушно.

Максиму впервые показалось, что он выпал из потока событий.

Вроде бы он пил не больше трех суток, а на самом деле прошло три месяца и семнадцать дней. После того, как закончились деньги, а значит, и шнапс, штабс-капитан Ландо обнаружил, что похудел, оброс, зубы сделались гнедыми от табака, ладони опухли.

Он отыскал зеркало, побрился, обрезал лохмы. Потом под душем тер себя мочалом яростно и долго. И чем больше земной воды выливалось на него, тем отчетливей он осознавал, что никаких перемен он, скорее всего, не дождетя, и надо как-то жить.

Глава 2. ВСЕ НАЧАЛОСЬ С КОШМАРА

Российская Федерация, Москва, наши дни

Корсунскому приснился кошмар.

Он летел в образе спутника-шпиона СИА, выдавая отчаянные сигналы, чтобы его поскорее забрали с орбиты, ледяной и пустынной. Но американцы никак не забирали. Даже напротив: они подло смеялись и посылали в ответ оскорбительные шифровки.

На самом деле от Корсунского избавились, и он летел наяву. И не по космической орбите, а по земной параболе, стараясь сохранить равновесие. В конце полета он больно ударился обо что-то железное, и стал падать в какой-то провал вроде шахты.

Не устроили аудит, не арестовали счета и даже не завели дело в прокуратуре, а просто выбросили, досадовал Илья Борисович, какой стыд!

Приземлившись, он увидел, что находится среди растений, похожих на лиану монстеру, которую видел на Бали, но, понюхав, сообразил: капуста.

Ржавые стены уходили высоко вверх.

Получается, он угодил в мусорный контейнер.

Небо быстро темнело, появились звезды.

Корсунский постарался представить себе жизнь в мусорке, и сделал следующий вывод: какая разница, куда тебя занесет – на помойку или в пятизвездочный отель? Все относительно. Просторное жилье – большие проблемы. Тесное и грязное – маленькие.

А начались-то неприятности с ерунды: он запутался. Финансовая пирамида зашаталась. Кредиторы больше не желали ждать. Обманутые вкладчики забрасывали офис всякой гадостью, из-за чего каждый день приходилось мыть стекла и закрашивать стены. Будущее впервые предстало перед ним в мутном и грязном тумане.

Его предупреждали: играть с народом в азартные игры небезопасно. Народ российский в слепой ярости может за топор взяться.

Но платить было, во-первых, нечем, во-вторых, не очень хотелось. Сам сидел в долгах немалых и огорчительных. Конечно, выручить могли, – хоть бандиты, хоть даже и полиция, – так и сумму запросят немалую. Оставалось одно: продать котельную, которую купил у военных судуру. Военные все подряд продавали, даже самолеты, даже шахты с ракетами.

Уже замаячили первые покупатели, когда пришли революционеры. Один назвался Зубатовым, другой Каляевым.

Какой Каляев, воспаленно думал Корсунский, вспоминая филфак. Не террорист же, в самом деле? А ну, если террорист!

Деловое предложение показалось Корсунскому соблазнительным. Революционеры оплачивали его долги в обмен на котельную. И далась им эта кочегарка! Никудышная, старая, она никого давно не отапливала. Горячие воды шли под землю, а оттуда в Язу. Безвозвратно.

Но на стол легли безумные бумаги. И тертого торгаша угораздило расписаться на бумаге с царским гербом и водяными знаками Российской Империи! Хоть бы позвал юриста, мудака! Потому что юрист мгновенно бы разнюхал: контракт липовый.

Да и в самом деле, кому бы в трезвом уме пришло в голову подписывать «Договор», из которого следовало, что «начальник Московского охранного отделения, полковник Зубатов С.В., с одной стороны, именуемый далее «Исполнитель», берет на себя обязательства по возмещению долгов...»? Думается, ни одному нормальному человеку.

Однако ударили по рукам, и наутро полный успех. Счета оплачены с процентами. Обманутые вкладчики сняли осаду, построились в колонну по четыре и пошли осаждать Думу.

Однако хитрый Корсунский котельную с продажи не снял. Авось, думал, пронесет, авось, забудут, сойдет ему с рук комбинация. Но не забыли, не пронесло и не сошло. И, как след-

ствие, – объяснение с партнерами, устранение противоречий, и, – что обиднее-то всего! – превращение в крысу!

А уж как перед этим орали! Обвиняли Корсунского в мании величия. Попрекали, убудки, обманутыми вкладчиками. Задавали идиотские вопросы, знает ли он, что стало с гражданами, мечтавшими заработать быстро и без труда? Не знает. Ведь из-за него многие квартиры продали, машины, даже части тела. Некоторые покончили собой, другие угодили в сумасшедшие дома.

Ну, и что?

А вот что: все произошло молниеносно, стремительнее не бывает.

На ладони Каляева появился кулон; крышка отскочила. Замигали лампочки, что-то пиликнуло, и Корсунский стал видоизменяться.

По мере уменьшения его, пропала одежда, тело покрылось шерстью, вместо ног и рук появились лапы с хищными коготками; из копчика вырос хвост. Лицо вытянулось в крысиную морду с метёлкою усов на носу.

Второй революционер принялся осматривать Корсунского со всех сторон, трогать за уши, дергать за хвост, говоря, что должна была получиться серая, классический голландский вариант, пасюк, либо черная ливерпульская. Или уж, на худой конец, рыжая. А эта белая! Ни дать, ни взять, морская свинка!

Для знающих людей давно не в диковину, что в России на переговорах всякое бывает – то ребра ломают, то ухо оторвут.

Но чтобы в крысу? Очень похоже на вранье!

Корсунский тоже не поверил и потрогал себя лапой.

Нет, нет! Все более чем натурально! И усы, и уши, и замшевое, причем довольно упитанное, туловище, и розоватый хвост, – крыса!

На втором часу сидения в мусорном контейнере коммерсанту стало очевидно, что не бывает маленьких проблем в мире, где каждый норовит съесть каждого. Пока бак не заполнят отбросами, ему не выбраться.

Но стало еще хуже! Послышалось шуршание, затем скрежет, словно кто-то царапал железо, и в вышине возникла мохнатая морда с фонарями глаз. Фонари мерцали. Крыс окоченел от ужаса. Это же кошка! Сейчас она прыгнет сюда. Вот уж, как не повезет! Морда завывала так, что у Корсунского заложило уши. Он принялся отчаянно грести лапами, пытаясь зарыться, как можно глубже. И прорыл солидный тоннель, оказавшись за поддоном для яиц.

Но кошка не отступала. Она рычала и расшвыривала во все стороны мусор. Корсунский уже слышал ее прерывистое дыхание, чуял отвратительный запах мочи.

Как же нелепо! Как глупо образованному существу закончить жизнь на помойке, будучи сожранным диким зверем!

Сначала он притаился, прижал уши, стараясь не дышать. Но гибель приближалась неотвратимо. Поэтому, когда кошачья лапа, продрвав картонку, уже почти достала его, он крикнул:

– Брысь, гадина!

Преследовательница замерла, не веря собственным ушам.

– Не ясно, что ли?! Пошла вон! – заорал Илья Борисович физкультурным фальцетом.

Сбитая с толку, кошка выпрыгнула из бака.

Наступила тишина, которую нарушал лишь сдавленный гул города.

Крыс выдержал паузу, пробрался выше и высунул нос из мусора.

Квадрат неба над ним стал окончательно черным, звезды мерцали уже совсем отчетливо и ярко, предвещая безоблачный день.

Как в ночном Сочи, когда придешь на пляж с девкой, вспомнил Илья Борисович. Но какие уж там «девки»? Кто из них не завизжит при виде Ильи Борисовича, не вскочит на табурет, не станет звать на помощь?

Вся прежняя жизнь – и клубы, и казино, и курорты, – казалась ему далекой, нереальной, дикой, будто ее не было вовсе.

Чтобы отвлечь себя, он попытался представить себе, что делает сейчас жена Полина. Вот верный и милый друг. Наверняка волнуется, звонит на мобильный. Сгинул, исчез, пропал без вести. Ни могилки, цветы положить, ни пенсии по утрате кормильца.

Разогрела ли она жаркое, обещанное с утра, накрыла ли стол в гостиной, разложив тарелки и приборы? Перец точно забыла подать, хотя Корсунский занудно просит ее об этом годами. Поля, Полечка! Сначала перечницу и солонку на стол! А потом ножи с вилками! А сейчас – да ну их совсем, эти пряности! Он бы ей нынче все простил!

Корсунский вообразил жаркое на блюде – из свинины, с весьма уместными прожилками жира на фарфоровых ребрышках, с картофелем, черносливом и каперсами, при участии чеснока и разбухших горошин перца душистого, которые он отлавливал и складывал на краю тарелки.

Что за чудо была подлива, когда ее готовила Полина! Шеф-повар парижского «Максима» застрелился бы от зависти и бессилия! А что за наслаждение было подбирать эту божественную подливу кусочками булки! Отламывать хрустящую корочку и макать. Отламывать и макать. И уж потом, в кабинете, при золотом свете абажура, – чашка кофе, тайная стопка ликера...

Мысли о еде доконали крыса, аппетит возник зверский.

Наконец-то он почувствовал, что голоден.

Мучительно и даже агрессивно голоден.

Вот подай ему теперь барана – тотчас бы забил его, изжарил на вертеле и съел.

Корсунский принялся ерзать, сучить лапами, шевелить носом, принюхиваясь. Обоняние его обострилось необычайно, запахи терзали ноздри.

Собственно говоря, он и сидел посреди еды, – огромной, великой, тотальной, бывшей жратвы. Не может быть, чтобы в этом море отбросов не нашелся хотя бы один съедобный островок.

И – о, удача! Действительно, обнаружилась коробка из-под «Виолы». Того самого сыра, который упорно поставляет дружественная Финляндия, очевидно, из чувства благодарности Совнаркому за подаренную независимость. Ильича Ленина нет давно, а в Суоми его не забыли. Можно ли такое забыть? Вот и шлют данный сыр по привычке, невзирая на потерю территорий.

Правда, ему еще отец, кавалер Почетного знака «Честному воину Карельского фронта», рассказывал, что финны никогда не простят нам войны тридцать девятого года. Из-за этого сосны у нас покупают, хоть у самих полно, шлют сыр в умеренных количествах, скорее всего, отравленный медленным ядом.

Отец, на всякий случай, ничего финского не покупал и не ел.

Сын был иного мнения, и не раз студентом угощался «Виолой» под стаканчик вина. И поэтому – спасибо судьбе! – знал Илья Борисович, что на дне коробки и по бокам ее, а в особенности под крышечку обязаны сохраниться остатки продукта.

Он стал выскребать и слизывать сыр со всей тщательностью, помогая себе то зубами, то лапами, пока внутри не стало уже крошки. Потом положил лапу под голову и уснул.

Наступил рассвет. Возможно, утро уже красило нежным светом стены древнего Кремля, когда Крыс почивал среди капустных листьев, картофельных очисток и рваных пакетов. Послышались звук мотора и голоса.

– Цепляй четверку, Гамлет! Да смотри, чтобы крюк за скобу зашел. А то в прошлый раз чуть кабину не пробил!

– Готово, Васыль!

– Тогда вира помалу!

Завыла лебедка, поднимающая бак с мусором .

– Вываливай!

Зазвенело битое стекло, взметнулась цементная пыль, оседая на морду несчастного крыса.

– Ты посмотри, Гамлет, вот, гады! Снова, блядь, насвинячили!

Корсунский сжался. Сейчас мусорщики управятся с четверкой и подцепят тросами его пристанище. Что же тогда?

– Пятый стропить? – заорал тот, кого называли Гамлетом.

– погоди, кажись, неполный.

Корсунский прошуршал по туннелю вниз и затаился.

Вилы вонзились в мусор, едва не задев Крыса, который изворачивался, ужом, чтобы не проткнули.

После того, как мусоровоз уехал, Корсунский вылез на поверхность.

Он едва перевел дух, как послышались шарканье подошв, треск льда на лужицах. На него посыпались жестянки. Одна банка чувствительно ударила крыса по жирненькому боку, и он не выдержал.

– Да сколько же можно, мать вашу?! То цементом посыпают, то банками кидаются!

В квадрате неба показалась голова мужика в шапке с ушами. Бежать было поздно. Если незнакомец не любит крыс, то постарается прибить его на месте. Лицо пришельца принадлежало древнему старику, седобородому, с бородавками вокруг носа. Укоризна была им услышана, потому что дед с отвращением разглядывал зверька.

– Не убивайте меня, пожалуйста!

– Ты кто? – строго прошамкал старик.

– Вытащите меня, я вам денег дам! Или ценными бумагами!

Дед молчал, настороженно осматривая существо.

– Денег не нужно. Вылезай, дурачок.

Что тут скажешь? Корсунский родился в столице, причем во времена полной и отчаянной победы человеческого лица.

Он всегда тут жил с человеческим лицом, глядя на другие, так что с ним все ясно. А вот как оказались в современной Москве революционеры и сочувствующие им жандармы? Зачем захотели купить котельную на окраине города?

На Каляева с Зубатовым плохая надежда. Будут молчать. Так что отвечать придется автору. Хотя бы по той причине, что автор никакой тайны из своих персонажей делать не намерен. Оно бы, конечно, хорошо, устроить интригу. Но боюсь, все окончательно запутается, и трудно будет разобраться, кто есть кто, где настоящее и где прошлое России.

Глава 3. КАЗНЬ

Российская Глава Империя, крепость Шлиссельбург, 8 мая 1905 года

Эсера Каляева собрались повесить за убийство великого князя Сергея Романова. Но казнь не произошла. Вернее так: был суд присяжных, был, вне всякого сомнения, и повешение состоялось, как положено, но умертвили совсем не Каляева. Почти не Каляева. То есть, возможно, и Каляева, но не того, что бомбу бросал.

Уф!.. Хорошо, скажем так: для нас не так уж важно, что какого-то там Каляева вешали за девяносто пять лет до того, как несчастный Корсунский обернулся крысой. Важнее, что эти события, вроде ничего общего не имеющие, на самом деле связаны.

И более того: вряд ли произошли одно без другого.

Смертника только что покинул весьма удрученный отец Флоринский: Каляев отказался от исповеди. Он заявил, что хотя он и ощущает себя человеком верующим, обрядов не признает.

Но едва Иван Платонович улегся на койку и вроде бы соснул, как почувствовал, что в камере кто-то есть. Перевернувшись на другой бок, он и вправду увидел незнакомого человека, вздрогнул и устремил на него тяжелый взгляд.

Это был Ландо.

– Вы врач? – спросил он гостя с малозаметным польским акцентом, произнося вместо «ч» звук, похожий на «тчш». – Ступайте прочь. Мне не нужна помощь.

– Меня зовут Максим Павлович, – молвил гость. – Я не доктор, но у меня для вас кое-какие новости.

– Максим? – вялым эхом отозвался Каляев. – Что вам угодно?

– Дело идет о вашей казни. Вас повесят ночью.

– Ну, это не новость, – угрюмо произнес Каляев, вставая с койки и протирая кулаком глаза. – Так, значит, не помилуют?

Ландо вздохнул.

– Извините, нет.

– Вам совсем ни к чему извиняться, сударь. – Каляев окончательно проснулся. – Слава Богу! Помилование? Это было бы ужасно! Но откуда вам известно?

– Прочитал у Бурцева в «Былом» номер семь за девятьсот восьмой год, – честно признался Ландо.

– Но пока еще девятьсот пятый! Получается, вы прочли об этом... через три года? Что за вздор!

Узник снова лег, устремив глаза к потолку.

Сквозь окно был слышен стук молотков – плотники мастерили во дворе виселицу.

Тут Каляев заговорил тихо. Скорее, для себя, чем для Ландо. Ему рассказывали товарищи, такое бывает перед казнью: кому ангелы являются, кому черти. Поэтому он не боится показаться смешным. Даже если Максим Павлович не очень материален... Или может быть товарища Ландо подослали из ЦК партии эсеров для побега? Тогда пусть им передаст: Каляев никуда бежать не намерен. Даже если все подготовлено. Это оскорбительно и низко. А его казнь определена Провидением! Ее ждет вся Россия!

Гость поморщился. Ему стало неприятно, что Каляев считает его призраком.

– Ах, Иван Платонович, у вас мания величия. Если вы действительно хотите лучшего устройства для России, то не довольно ли жертвоприношений? Сколько ваших друзей погибло даже при неосторожном обращении с бомбой!

Глаза Каляева заблестели.

– О чем вы! Жертвы неизбежны. Вспомните историю. Любая реформа в любой стране имеет свою цену, иногда страшную. Что моя ничтожная жизнь? Еще тысячи погибнут, пока не придет свобода!

– Красиво излагаете. И братья, так сказать, меч вам отдадут? Вы, милейший, не на суде, а я не старшина присяжных. Думаете, ваша смерть войдет в историю? Из-за таких заблуждений я потерял любимую женщину. Вы знали Леонтьеву?

– Да, да! Таня была предана делу фанатически. Прекрасно работала в нашем терроре. Они убили ее?

– Еще нет, – мрачно ответил Максим. – Она умрет через четыре года у меня на руках. Кстати, она из ваших поклонниц.

Эсер принялся нервно вышагивать по камере.

– Вы далеки от революций. Но честно ли перед самой казнью убеждать политического узника, что смерть его напрасна?

– Ничтожная часть радикалов считает вас политическим, – возразил Ландо. – Сторонников ваших было бы еще меньше, не случись Кровавого воскресенья. Аристократию вы раздражаете.

– Боевым эсерам сочувствуют Горький и Андреева, – защищался Каляев. – Я уж не говорю о Гиппиус и Мережковском.

– Не надо! Вы еще Шаляпина назовите. Мали ли чем увлекается интеллигенция? Для нее и жизнь сплошной сюжет. Образованные круги России считают вас уголовником.

Каляев развел руками.

– Вы убиваете меня прежде казни. Все равно ничего не изменишь. К чему ваши слова? Ступайте. Мне нужно теперь одному побыть. – Он посмотрел впереди себя безумно. – Впрочем, вы, скорее всего, мне мерещитесь. Поэтому не имеете значения. Глупо же говорить при ведении «уходи»?

Максиму показалось, что он-то как раз и скажет. Еще немного, и станет призывать на помощь всех святых, крест под нос сунет. Но если честно, Каляеву хотелось только одного: чтобы поскорее закончилось дело с повешением.

– Иван Платонович, – осторожно сказал гость, – а что, если с гибелью вашей ничего для вас не кончается? А только начинается?

Террорист кивнул насмешливо.

– В газеты норовите угодить? Deus ex machina? Забавно, сударь мой! Спасибо, развеяли немного. У вас своя машина, а у меня своя, и, боюсь, ее уже не остановить.

– Напрасно мне вас хвалили, – сказал Максим. – Вы, очевидно, кроме динамита и револьверов ничего не видели. Поймите же, наконец! Нет жизни, и нет смерти. Есть только условия пребывания сущности в пространстве! Поэтому вам нечего бояться.

– Я не боюсь. В штаны еще не наделал.

Ландо прищурился.

– Мало ли? Наделаете после веревки! Так что не лгите. Все боятся. Но у вас есть уникальный шанс взглянуть на собственную казнь... со стороны.

Приговоренный облизал губы и наморщил лоб.

– Ну, хватит. Глупая шутка. Скоро за мной должны прийти.

– Вот именно. – Максим достал матово-золотой, на цепочке и довольно массивный, кулон, напоминающий хронометр. – Наденьте это на шею, и мы перенесемся в другое время, безопасное.

Каляев побледнел.

– Seriously? И куда же мы поедем?

– Недалеко. Месяца на три назад.

– Значит, за три месяца до акции против великого князя? Кровопийца не будет убит?! – Каляев вытаращил и без того навывкате глаза.

– Будет! Бомбу в князя метнете именно вы. Это событие никто не отменит, оно слишком серьезно!

Несмотря на сырость и прохладу, по лицу Каляева катил пот. Он то садился на край койки, то снова вскакивал.

За кованой дверью раздались шаги, лязгнул глазок, послышались голоса:

– С кем он, сука, разговаривает?

– Сам с собой. Сбрендил, наверное.

– А ты бы не сбрендил перед веревкой?

– Ох, ох!..

Шаги удалились, голоса стихли.

– Решайтесь, Иван Платонович, – в нетерпении произнес Ландо. – Линейное время неумолимо.

Каляев морщил лоб, растирал пальцами виски. Потом вдруг схватил ладонь гостя и сильно пожал ее.

– Да, да!

– Хорошо, я рад!

– Об одном лишь умоляю! Никому не рассказывайте, что Янек Каляев испугался! Обещайте же! Вот теперь непременно обещайте! Иначе позову охрану, и пусть все летит вверх дном!

– Успокойтесь, я никому не расскажу, что вы трус.

Ландо раскрыл оба кулона, под крышками которых мелькнули разноцветные индикаторы над рядами кнопок.

– Поехали?

– А куда нам деваться!

– Прощай, каземат! – выкрикнул Янек в возбуждении. – Товарищи, прощайте!

Вслед за его словами стены раздвинулись, зашатались, растворяясь в затхлом воздухе.

Ни в камере смертников, ни после того, как он отправился в прошлое, Каляев не знал, что спаситель его – никакой не призрак, не маг и не факир. Что он изобретатель и военный летчик Императорского воздушного флота, Максим Павлович Ландо.

Глава 4. «АЛЬПИЙСКАЯ РОЗА»

– Как же нам войти? – спросил Фабиан.

– Я полагаю, надо постучать, – ответил Бальтазар.

Э. Гофман, «Крошка Цахес»

Российская Империя, Москва, 2 февраля 1905 года, ближе к полуночи

Ландо с Каляевым из Шлиссельбургской крепости перенесли в Москву. И оказались на тусклой, морозной, насквозь продуваемой Софийской набережной. Они там сразу едва не погибли, оказавшись перед лошадью,пряженной в сани. Увидев людей, животное отпрянуло. Извозчик плюнул и выругался.

Тут Максим заметил, что сам он в шубе, а узник одет уже не в полосатую робу и шапочку смертника. На нем была поддевка, картуз и высокие сапоги. Они производили впечатление барина и крестьянина.

Каляев ежился, запахивая лицо воротником, глупо спрашивал, какой год и какое число. Узнав же, заметил, что помнит этот день, как не очень удачный. Он собирался бросить бомбу под карету великого князя. Но ничего не вышло: в карете ехали дети. Причем дело происходило ранним вечером. А теперь, поди, начало одиннадцатого? Значит, они с Савинковым уже идут в «Альпийскую розу» перекусить.

Этот день Каляев помнил отлично.

Днем Савинков получил две бомбы у Доры Бриллиант в «Славянском базаре». Одна предназначалась для Каляева, который дежурил у городской думы. Другая для Куликовского, что маячил в проезде Александровского сада.

У великого князя, собравшегося в Большой театр на «Снегурочку», другого маршрута не было. И карета с кучером Рудинкиным на облучке покатила прямо на Каляева.

Но не метнул бомбы Иван Платонович. Не метнул исключительно из-за детей великого князя Павла и великой княгини Елизаветы, ехавших в том же экипаже. Рука не поднялась.

Опустил сверток, отошел, незамеченный.

После «Снегурочки» – ровно так же.

Только теперь, выбравшись из Шлиссельбурга, Каляев признался Ландо, как страшно ему теперь стоять тут с ним.

И кто же тогда отправился в «Альпийскую розу»?

Максим принялся хлопать боевого эсера по спине, чтоб смирился с новой реальностью.

Но Каляев не мог смириться. Он сходил с ума от одной мысли, что осужденный к повешению Каляев сидит в Шлиссельбурге, другой Каляев направился вместе с Савинковым в ресторан. А третий – мерзнет на Софийской набережной. Ландо тоже нелегко было смириться, что одна и та же его сущность может иметь различные воплощения.

– Не понимаю я ничего в вашей метафизике, – горевал эсер, раскачиваясь, как китайский фарфоровый болванчик. – Грустно и горько необыкновенно. Что я? Где я?

– Ну, представьте слоеный пирог, Платоныч, – терпеливо объяснял Ландо. – Под одним коржом вы изюм, под другим вишня, под третьим слива. Но пирог-то единое целое, прости Господи!

– А кто же убил Сергея Романова? – упорствовал эсер, игнорируя кондитерский образ.

– Вы, батюшка, – твердил Максим. – Именно вы, воля ваша! Натурально, вы бомбу метнули. Из-за чего жертва разлетелась в клочья. А до того неудача вышла. Она как раз сегодня случилась. Но между одним Каляевым и другим – три месяца. Поэтому нам нечего делать в «Альпийской розе». Ваша встреча с самим собой радости вам не принесет. А Савинкова напугает и запутает.

Каляев неуверенно кивнул. Потом указал в сторону ресторанной вывески, крыльца с елками в гипсовых горшках и мерцающих желтых окон. Пресвятые угодники! Да вон же они стоят, Савинков, Куликовский и он, их пускать не хотят.

– Я бы тоже не пустил, – язвительно заметил Ландо. – Два крестьянина приперлись с барином. Это не слишком ли?

Каляев инстинктивно отошел за спину изобретателя.

У крыльца дорогу террористам перегородил швейцар в бакенбардах, фуражке с желтым околышем и в ливрее. Разговор происходил на повышенных тонах.

– Виноват, ваше благородие, – объяснял швейцар, приняв Савинкова за офицера, – в поддѣвках не велено.

– Прекрати, братец, – уговаривал Савинков. – Это мои люди, управляющий и кучер. Замерзли мы.

– В поддѣвках не велено, – сопротивлялся привратник. – Давайте доложу. Вы, ваше благородие, ужинайте, воля ваша. А им, – он показал варежкой на Куликовского и Каляева, – с кухни вынесут.

– Как ты смеешь, дурак?! – рявкнул Савинков, теряя самообладание. – С какой кухни? Они что, собаки? Ну-ка, зови распорядителя!

– Христа ради, уходите, – взмолился швейцар. – Не можно сюда в поддѣвках!

Савинков порылся, вытащил деньги.

– По рукам?

– Ваше бла-го-ро-ди-е! – Тот взвыл, неотрывно глядя на монету. – оно, конечно! Но не могу! Со службы уволят! Дети, внуки малые!

Ландо, переминаясь с ноги на ногу в десятке метров от этой сцены, поморщился.

– Сил нет, Иван Платонович, слушать такое. Разъясните: пустили ли вас тогда в «Альпийскую розу»?

Каляев вздохнул.

– Савинков со скандалом выхлопотал столик в задней зале, подальше от гостей.

– А потом?

– Мы с Борей долго говорили. Он кокаин нюхал. А Куликовский молчал. Только в конце ужина обмолвился, что переоценил свои силы и не может дальше работать в терроре. Потом полночи по Москве бродил, как лунатик, переживал страшно. Видно, не судьба ему.

– Не судьба? – удивился Максим. – Ошибаетесь. Впрочем, вы просто не можете знать, что после вашей казни в Шлиссельбурге, Куликовского арестовали, посадили в полицейскую часть на Пречистенке. Он оттуда сбежал. А потом явился на прием к московскому градоначальнику, и расстрелял его в упор. Герой.

– Значит, его тоже казнили?

– Приговорили. Заменяли бессрочной каторгой. Наверное, уже бредет в кандалах по этапу.

– Не странно ли? – бормотал Каляев. – В день второго покушения на великого князя за бомбой не явился. А Шувалова – самолично порешил. Значит, передержка вышла...

Каляев снял шапчонку, пригладил соломенные волосы на макушке, которые упрямо топорщились. Он выглядел жалко.

– Я сегодня, то есть, тьфу, тогда, главное Боре высказал. И вам скажу, Максим Павлович. Вы только не перебивайте, послушайте. Очень важное скажу! Вот, например, в Македонии террор самый массовый. Каждый революционер террорист. А у нас? Пять, шесть человек, и обчелся? Остальные в мирной работе. Но разве социалист-революционер может работать мирно? Ведь эсер без бомбы – это уже не эсер.

Глава 5. ИЗОБРЕТАТЕЛЬ В ИЗГНАНИИ

Германская Империя, предместье Мюнхена, 1910 год, октябрь

По немецким газетам, назревала Большая Война. Максим чувствовал это. Если не к войне – так зачем бы это «Пантере», германской субмарине, красоваться у берегов Марокко, опасаясь вторжения Франции? К чему бы итальянской эскадре обстреливать Триполи? Зачем России посылать экспедиционный корпус в Персию?

Не будет войны, и, слава Богу. А если грянет? Тут аппараты Ландо могли бы эффективно помочь пехоте и кавалерии с воздуха.

Уйдя от Жуковского, Максим пытался подработать, как мог. Он придумал новый замок противопехотной пушки, глубинную бомбу для поражения субмарин, прибор для дальнего обнаружения вражеских цеппелинов и много всякого другого.

За границей, он держал переписку с Коровиным, который отчасти разделил судьбу Ландо. И в городе Льеже приучал бельгийский браунинг к русским патронам. Но оружейник мало, чем мог утешить Максима: ему на чужбине не очень везло.

С другой стороны, возрастающая убойная сила изобретений иногда угнетала Максима. Он впадал в меланхолию. Он зажигал лампаду у иконы св. Георгия и молился, как мог.

Ну, вот так, например:

– Не сердись, святой, что я попросил у тебя огня. Необходимо придать оружию новую мощь, чтобы поразить врагов России. Аминь.

Победоносец, будучи человеком военным, понимал Ландо, молчал и многое ему прощал.

Начнись война, Ландо был готов отдать родине новинки даром, хотя многие его идеи отвергали бюрократы из военного ведомства. Даже несмотря на поддержку Колчака – власти не могли ему простить женитьбу на княгине Татьяне Леонтьевой.

Максим писал очередное письмо Государю.

«Ваше Императорское Величество!

Вслед за скорострельным минометом с использованием особых реактивных снарядов на основе идеи Кибальчича, предлагаю Вашему Высочайшему вниманию чертежи и описание орнитоптера, легкого летательного аппарата, которым можно быстро пополнить парк Императорского воздушного флота.

Машину можно доставлять на поля сражений в разобранном виде. Собрать же ее может любой унтер-офицер, окончивший реальное училище и имеющий технические навыки.

Смею надеяться, что орнитоптер совершит переворот в авиационном деле и поможет России стать еще более сильной державой.

Чертежи и расчеты прилагаются.

Штаб-капитан Максим Ландо, изобретатель».

Николай позвонил Столыпину: кто таков этот Ландо и почему он шлет ему безумные письма? Первый министр объяснил, что это муж террористки Леонтьевой, пребывающей в изгнании. Царю сразу припомнилась кандидатка во фрейлины императрицы, дочь якутского вице-губернатора и княжны Белосельской-Белозерской. По докладу Герасимова еще зимою 1905 года она намеревалась выстрелить в него на балу. Фамилия Кибальчича, участника покушения на деда, тоже не воодушевила императора, и он начертал на письме:

«Прошу вас, Петр Аркадьевич, оградите Нас от записок этого болвана».

До рокового выстрела в Киевском театре Первому министру и гофмейстеру Двора еще оставалось прожить два года.

Германия посеребренная!

Милая и навеки чужая сторона!

В Германии Максим поселился в ангаре на краю летного поля, спал на верстаке, готовил еду на самодельной керосинке. А когда Таню выпустили из тюрьмы, они купили дом, пустовавший неподалеку и так давно, что даже не все местные жители помнили, кто был прежним хозяином.

Впрочем, ангар был сараем, похожим на конюшню, а дом – пару комнат, зал и спальня, Максим прозвал его Фрегатом.

При романтическом названии Фрегат вел себя странно. По ночам дом то бурчал, то охал, то завывал по-волчьи. В комнатах стоял легко различимый и мерзкий запах, словно кто-то сдох. Из-за болезни Тани Максим не мог устраивать сквозняки. Но и проветривание помогало на полчаса, потом воняло по-прежнему.

Ландо ничего не мог понять.

Они уже хотели отказаться от покупки, вернуть деньги. Не получится, – пригрозил судом. Но как-то Максим отыскал на чердаке табличку, так искусно прибитую к балке, что не всякий мог обнаружить ее.

Табличка была гравирована мелкой готикой по латуни, датировалась серединой XIX века. Ландо разобрал текст, изумился. Сразу же объяснились причуды дома.

Вот что он прочел.

«От словаков-строителей – поганому Готлибу. Десятник Родомысл Попшечко шлет привет!

За то, что недоплатил 8 серебряных талеров, кормил подпорченной бараниной, старыми петухами и горохом для свиней, получи, собака, сюрприз! Не найти тебе, бюргерская морда, дюжины лебединых яиц, спрятанных в венцах, как не сыскать пивных бутылок, вмурованных в стены под крышей. Будешь жить, проклятый Готлиб, нюхая вонь разложения многое время, а по ветреной погоде, когда загудит дом дьявольским голосом, станешь сотрясаться от страха бессилия! Пусть мучается также в догадках жена твоя, мерзкая гусыня и потаскуха Магда, и дети, и их дети, и дети этих детей!

Господи, прости Твоих каменщиков!

Аминь!

07.05.1867».

– Какая низость! – поразилась Татьяна. – Как же должны были насолить эти Готлиб и Магда своим работникам?

– У мести нет времени, – отвечал Ландо, – она сродни страсти, а страсть безмерна.

Следуя найденной инструкции, он быстро отыскал горлышки бутылок, торчащие из кирпичной кладки, заткнул их пробками. Обнаружил и остатки лебединых яиц, в которых когда-то поселились осы, а затем, очевидно, перебрались в более подходящее место, и беспорядки прекратились.

Над черепицей, под которой жили ласточки, развивался флаг Российской империи.

С этим флагом Ландо никогда не расставался.

По утрам, надев фуражку, он заводил на граммофоне «Встречу», поднимал на веревке выцветшее полотнище, отдавал честь.

Этот ритуал он считал обязательным для русского офицера, давшего присягу.

Поэтому издали владения Ландо напоминали то ли лабораторию метеоролога, то ли пограничный кордон. Но сам он полагал клочок немецкой земли территорией России. Чем смущал старого фермера Фридриха и его жену Гретхен, которые привозили ему продукты на лошади.

Но до чего же все было захламлено! Будто кто-то приносил неожиданные предметы, а забирать забывал!

В реестре сада вещей состояли и детали полевых пушек, и гильзы от снарядов, и огромные, похожие на паровозные, шестерни. У окна пылился Танин «Зингер» с ножной педалью.

По стенам Максим развесил пропеллеры аэропланов, на которых разбились его товарищи. Между ними – фотографии Парижа, гравюры, изображающие парусники на Неве.

В углу громоздились чемоданы, обклеенные ярлыками, по которым можно было проследить непростые маршруты Ландо.

В конечном счете, Фрегат оправдывал свое название: он и в самом деле напоминал кают-компанию безумного корабля.

Из первого выпуска Гатчинской авиашколы остались в живых только двое – он сам и полковник Эрнст Леман. Так что Ландо почти не с кем было советоваться, когда придумывал сверхдальний аэроплан.

Первые наброски он сделал еще в Швейцарии, где Таню выпустили из тюрьмы и лечили от маниакального психоза.

Аппарат мог подниматься на большую высоту, двигаться с неслыханной скоростью 140 километров в час. А приземляться – даже на лужайке.

В отличие от российских авиаторских кругов, братья Райт, Фарман и Блерио, высоко ценили усилия Ландо.

Он был как никто близок к цели.

Отец Татьяны, якутский вице-губернатор, приехал в Швейцарию, чтобы навестить дочь и обсудить перспективы ее лечения.

Леонтьев обладал медвежьей фигурой, грубым лицом норвежского шкипера в бакенбардах и маленькими, вечно слезящимися глазами, отчего казалось, что вице-губернатору всех и все жаль. А также странной привычкой (совсем не по чину) вставлять в речь жандармскую лексику: «Разрешу себе вас проинформировать...», «Разрешу себе вам доложить...»

Об аэроплане расспрашивал Ландо в таком же духе:

– Предполагаете, что данное дело чуждо политического элемента?

Убедившись, что чуждо, увлекся Максимовой идеей.

Леонтьев мечтал использовать аэропланы для переброски грузов на дальние зимовья в связи с программой развития русского Севера. Это уже делали американцы на Аляске.

– Разрешу себе вас проинформировать, сударь, – сказал он однажды Ландо, – что вам на строительство аэроплана выделяется десять тысяч рублей.

И выписал чек.

Максим обрадовался, но вскоре понял, что вице-губернатора не столько привлекает авиация, сколько беспокоит судьба дочери. Отцу Тани казалось, что дело с аэропланом отвлечет дочь от мании истреблять окружение государя.

Штабс-капитан уже приобрел моторы на заводах Антуанет, а также пахнувшие лаком пропеллеры и кое-что из оснастки. Однако вскоре с Таней вышла уголовная неприятность, – ах, а разве могла не произойти! – и он вынужден был прерваться.

Глава 6. СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Российская Империя, Москва, 1905 год, 2 февраля

Перед закрытием «Балчуга» сытые и подвыпившие, изобретатель и эсер сидели у самовара. Каляев откидывался на спинку кресла и манерно прикрывал глаза ладонью. Изобретатель говорил ему такие слова, после которых было дальше страшно жить. Даже думать страшно, дух захватывало!

Отправиться в другую эпоху? Да еще с помощью этих, почти игрушечных аппаратов, похожих на золотые яйца с елки?

Ландо называл приборы синхронизаторами нелинейного доступа, СНД. Владельцу они открывали путь в третье измерение Времени.

Аппараты, вообще-то, потрясли Каляева. И не только тем, что позволяли перемещаться. Если надо, ты становился невидимым. Они давали связь на далекое расстояние лучше радио. Они могли изменить любое существо на молекулярном уровне. То есть, кота превратить в собаку, собаку в лошадь или человека в птицу. Они могли воскресить, загрузить мозг знаниями или стереть из него информацию.

Это были чудо-приборы.

Каляев быстро научился, как с ними обращаться и получил несколько штук для членов еще не созданного отряда.

Только зачем для обновления России ехать в другой век? Не легче ли исправить ошибки здесь и сейчас? Разоблачить провокаторов, нанести точные удары по самодержавию. Ведь главное – свергнуть монархию, которая тяжким грузом висит на стране, вопреки прогрессу.

Террористом двигала жажда мести.

Насмотревшись, как расправляются с другими бомбистами, пережив ожидание казни, Каляев желал теперь одного – превратить Боевую организацию в мощный, невидимый, неуязвимый иезуитский орден. И кромсать, резать, душить, рвать на части царских сановников.

Македонские мечты о тотальном, всеочищающем терроре, который вызовет революцию, теперь казались как никогда реальными.

Но Максим поставил вопрос ребром: либо Иван Платонович отказывается от попыток изменить равновесие 1905 года, либо пусть возвращается в Шлиссельбург. Там его всегда ждут.

Обратно в крепость Каляеву не хотелось.

– Я вытащил вас из петли не для дискуссий о судьбах России, – жестко говорил Максим. – И место, куда вы отправитесь, вас не обрадует. Даже крупно огорчит. Там общество зашло в тупик, и нужно сменить власть. Вы умны, образованы, смелы. Вы владеете многими формами политической борьбы. Придется изменять ситуацию умно и тонко, и не одной только силой.

Каляев не понимал, откуда Максиму известно про будущее, но дальше спорить он не посмел. Ландо рассуждал грамотно и жестко, и логика его понемногу успокоила эсера.

Когда же Ландо сделал предложение по кандидатам в члены отряда, Иван Платонович не мог скрыть радости. В будущее отправятся те, на кого он мог положиться. Только с Богровым Каляев не был знаком.

– Кто таков этот Дмитрий? В партийных списках не числится. Меньшевик? Кадет?

– Скорее всего, провокатор, – говорил Ландо, – еврейской национальности, на охранку работал, но убил Столыпина.

– Самого гофмейстера Двора? – поразился Каляев. – Один? Не может быть! Когда же?

– Извините, через шесть лет после вашей казни.

С Каляевым в будущее отправлялся также полковник Зубатов из жандармерии. Как посредник. Он легко ладит как с высоким начальством, так и с пролетариатом.

Каляеву стало противно из-за жандарма, но он промолчал.

– А Борис? – спохватился он затем. – Почему вы не привлекаете Савинкова? Это гений террора!

– Не могу, – ответил Ландо. – Это не его игра.

Да кто же он, наконец, такой, этот Максим Ландо, в который раз задавался вопросами Каляев. Колдун, волшебник, пророк? Делает вид, что изобрел синхронизатор. Но разве нынче можно сделать такой прибор? Решил изменить мир. Но кто дал ему право?

Часы с купидонами на стене ресторана пробили четыре часа утра.

Глава 7. СЛУЧАИ И СЛУЧАЙНОСТИ

Германская Империя, предместье Мюнхена, 1910 год, апрель

Когда не спалось, Максим читал.

Отложенные книжки валялись под кроватью, на полу. Нечитанные – под лампой зеленого стекла, рядом с настойками алоэ и мяты, оставшихся после Тани.

Когда текст его радовал, штабс-капитан вскакивал, метался по комнате, восклицая междометиями. После чего срезал цветы и украшал любимицу в награду. Если же книга сердила его, – сборник глупых статей или, что бывало чаще, негодные стихи, Ландо в ярости зашвыривал ее куда-нибудь под шкаф и наказывал, бормоча:

– Недостойна, недостойна!

Но через пару месяцев прощал: протирал от пыли и хоронил на дне сундука, чтобы больше не попадалась.

Правда, вкусы Максима могли вызвать ощущение бессистемности хозяина, и даже его некоторой чудаковатости.

За трехтомным справочником по лекарственным травам и медицинской энциклопедией, выстроились в недружный ряд золоченые томики о великих первооткрывателях, о технике литья из бронзы в эпоху нижнего палеолита, сочинения Лаврова и Михайловского, мемуары Сен-Симона и воспоминания якобинцев.

Далее громоздились учебники по математике, физике и аэродинамике, неполный Достоевский, новейшая история Германии и труды Ключевского. Нострадамус на латыни соседствовал с поваренной книгой Дюма старшего, утыканной закладками. Сверху Ландо умудрился разместить также альбомы Питера Брейгеля старшего и Дюрера, исследования по архитектуре. И толстенный арабо-немецкий словарь, который то и дело падал на него, – собирался отнести букинистам, да все не нес.

Засыпая же, Максим видел себя в тех местах, о которых только что прочел.

Одну ночь он бродил между египетскими пирамидами, размышляя об их тайной силе и межзвездной символике, о нравах фараонов и их борьбе со жрецами. Другую – проводил с Бонапартом, уговаривая его отменить рискованное сражение под Маренго. Третью – пил водку с Петром Великим на Пруте в 1711 году, то есть двести лет назад, предупреждая Государя, что он может попасть в плен к туркам (тот и вправду едва не угодил). Четвертая ночь уводила его к вершине горы Ваньшань, где неведомая птица кричала по-китайски, призывая похоронить давно умерших.

После Пруста он увидел себя вместе с Борисом Савинковым в сомнительной, но богемной компании кокаинщиков.

Это было в Париже.

Его уговаривали продать охотничье ружье для закупки порошка и продолжения вечеринки. И Ландо продал задешево, оставшись потом без денег и дома. А главное с плешью посреди головы, ведущей ото лба к затылку.

Как у смертников.

После ухода Тани он читал реже, хотя спал по-прежнему плохо, сидел на крыльце и смотрел в небо.

Максим не любил мистику и астрологию, но знал имена планет, уважал их мудрое и извечное вращение вокруг солнца.

Его волновал Млечный путь, всевозможные туманности и кометы. Ландо пришел в восторг, когда узнал из газет, что австрийский физик Ф. Гесс открыл космическое излучение. Он всегда верил, что космос наполняет все живое энергией, придает сил.

Да и не только верил.

Двенадцати лет отроду по дороге из гимназии Максим поскользнулся и упал. Он больно ударился, не мог встать и лежал на спине.

Над Васильевским островом мерцали созвездия. Тогда они почему-то особенно поразили Максима. Звезды выглядели значительно, чем обычно. Они пульсировали в такт с его птичьим сердцем.

В тот миг он впервые ощутил невероятную важность звездного неба. А самого себя – таким никчемным и ничтожным, что ему захотелось навеки раствориться в космосе от стыда и бессилия.

Ребенком он еще не понимал, откуда взялись стыд и бессилие. Однако вдруг боль исчезла, тело стало теплым, чей-то голос произнес:

– Ничего не бойся. Мы помним о тебе. Встань и иди.

Ландо поднялся с земли, ощущая легкость туловища и ясность ума.

После этого он до конца жизни не забудет ни мартовского льда, ни голоса с высоты.

На последнем курсе Императорского Технического училища, в квартирке на Пречистенке ему привиделись ангелы.

Они обступили его постель и предупредили, что вскоре он сильно заболит, но не умрет.

Через пару дней Максим попал в больницу с воспалением желчного пузыря, нашли камень. Но на столе он выказал такую спокойную готовность к операции, что врачи заволновались и позвали Склифосовского. Николай Васильевич, несмотря на почтенный возраст, согласился оперировать пациента, но ничем не мог объяснить его браваду, кроме реактивного психоза. У Максима вроде не было особых причин веселиться: желчь разлилась, и его едва спасли.

Прошло несколько лет.

Ландо уже почти забыл об ангелах и не ждал никаких голосов из космоса. Но после знакомства с Прекрасной Террористкой, которая окончательно перепутала планы его жизни, к Максиму явились и вовсе необычные посланцы. Они пришли в форме морских стюардов с нашивками «Titanic» на рукавах – хотя злосчастный лайнер еще не спускали на воду.

Стюарды были улыбочивы и предупредительны, сняли фуражки, попросили чаю, и беседовали с Ландо до тех пор, пока за окнами не замаячил свет.

Гости поставили вопрос ребром: либо он следует своему пути и занимается изобретениями, как и должно инженеру, либо вступает в Боевую Организацию и вместе с Татьяной расстреливает царских чиновников. В последнем случае посланцы снимают с себя обязательства по его опеке.

Максим удивился. Он никуда не собирался вступать, так как успешно работал у Жуковского.

Посланцы настаивали: им лучше все известно.

То есть, ему не нужно идти за теми, кто подличает, предает и убивает. Да еще неизвестно почему называет свою глупую программу историей. Главное – это что, как, когда и кому предопределено. И если уж говорить о совокупности биологических особей, которых Ландо вслед за Бердяевым ошибочно считает народом, то данные особи смешны.

Они напоминают неразумных детей, которые строят куличики из песка и сами же их разрушают. Людей следует любить и жалеть, однако их многие деяния лишены смысла.

Вещи, которые совершают люди, заявили стюарды, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем тонкий мир.

В довершение всего гости заметили, что не стали бы утруждать себя визитом к Ландо, если бы наверху не верили, что именно ему суждено накопить в себе потенциал для выполнения миссии.

Миссия станет возможна, благодаря еще одному землянину, сыну горного инженера. Его имя пока не известно, потому что он еще только собирается появиться на свет в Санкт-Петербурге через четыре года.

Когда же Максим поинтересовался, что у него общего с сыном неродившегося горного инженера, стюарды ответили: прямая. Ибо сын горного инженера, Николай Алексеевич Козырев, обгонит мысль современников на несколько поколений и откроет чрезвычайно важный закон.

Время во вселенной, говорится в Законе, не распространяется, а всюду появляется сразу. На ось времени вся вселенная проецируется одной точкой.

Поэтому изменение свойства некоторой секунды всюду появляется сразу, убывая по принципу обратной пропорциональности первой степени расстояния.

Максим представлял два гигантских волчка. Один из них непрерывно сворачивает пространство в причине, другой, – разворачивает его в следствии.

Если Германия начала XX века, находится сейчас в развернутом состоянии, рассуждал Ландо, то где-то рядом есть другой мир, тот, что пока свернут. Не там ли находится та самая загадочная Страна Зеленых Озер? Не туда ли его друзья забрали Таню? И суждено ли ей было умереть именно 4 июня 1909 года под Мюнхеном?

Порывшись в книгах, Максим ничего подозрительного не обнаружил.

Ну, 4 июня 1327 года родился князь Андрей Иванович, не слишком удачливый сын Калиты. Жил себе, как человек, никого не обижал, и умер ненасильственно, от чумы.

Или, например, 4 июня 1789 года адмирал Г.А. Спиридов с эскадрой русских кораблей, – хотя его и отговаривал граф Орлов! – все же загнал в ловушку и сжег турецкие суда. И долго еще после этого турки в Дарданеллы не совались.

В тот же день и Наполеону повезло: он оккупировал беззащитный остров Мальта.

В девятом же году двадцатого столетия день этот протекал относительно спокойно.

Какое, допустим, влияние на судьбу Тани могла оказать встреча Николая с Вильгельмом? Или отставка германского канцлера Бернгарда фон Бюлова, которого тут же сменил Теобальд фон Бетманн Хольвег? Глупо, глупо...

Случаи и случайности, – в этом все больше убеждался Максим, – ограничиваются тем, что именно происходит, но не когда.

Казуальность имеет к Времени лишь косвенное отношение. Наверное, и перемены могут быть управляемы. Но что он мог в ту пору изменить? Ровным счетом ничего.

Глава 8. КРЫСОЛОВКА

Российская Федерация, Москва, наши дни, условный февраль

Что же до Ильи Корсунского, превращенного в крысу, участь его оказалась, пожалуй, менее печальной, что он себе поначалу представлял.

Доставили Илью в мрачный полуподвал с окошками на уровне тротуара. Пока спаситель-дед снимал телогрейку, валенки с калошами, Корсунский, шурился и дико озирался по сторонам.

– Звать-то как? – выговорил дед беззубым ртом.

– Ильей Борисовичем.

– Короче, Ильюхой будешь.

– Как скажете.

– Небось, и жрать хочешь?

– Хочу, дедушка, – произнес Корсунский, признательно шевеля хвостом.

– Я тебе покамест не дедушка, – проворчал хозяин каморки. – Я как есть Кондратий Козлов, бывшее ответственное лицо коммунального ведомства. Нынче на пенсии.

Козлов служил дворником.

Илья обрадовался, хотя и не понял дедовского «покамест». Не означает ли это, что со временем, Козлов все-таки признает в крысе внука?

– Тушенку с макаронами будешь?

– Премного вами благодарен, – стилизовал крыс под старика, и изобразил нечто вроде поклона.

Его не столько распирало от желания польстить спасителю, сколько сковывало от страха.

Корсунский не мог поверить в происходящее! Знай он, что станет ужинать в таком месте, да еще заискивать перед вонючим стариком ради тушенки с макаронами... Скажи ему кто-то заранее! Счел бы за оскорбление. А теперь Илья покорно наблюдал, как дед ставит на огонь кастрюлю, открывает консервы, пыхтя и бормоча древние ругательства, кладет в кипяток макароны, сыплет соль кургузыми пальцами.

Дом дворника торчал как гнилой зуб посреди действительности.

Советская табличка о жилье образцового содержания заржавела.

Голубятня на крыше обвалилась.

По двору разгуливала одичавшая курица, неизвестно чья, и уже такая пожилая, что никто ее не трогал. Она ходила вокруг разбитого фонтана, в центре которого некогда высилась работница с кувшином.

От работницы остались только часть торса и ноги в гипсовых сапогах. На них жильцы сушили половики.

Тление прорывалось внутрь, сырость заражала стены грибком. Козырек над подъездом покосился. Сквозь ступени рвалась к свету дикая трава.

Кровлю давно перестали латать, и вода проникала через чердак на верхние этажи, стекая в тапки и кастрюли.

Но дед Козлов был еще старше дома. Ему, по прикидкам соседей, перевалило за сто, хотя об этом можно было лишь догадываться.

Откуда он прибыл и кем был раньше, никто не знал. Говорили, из раскулаченных. Пока деньги водились, в долг давал под проценты, вещичками мытарил: ему кольцо золотое обручальное, а он три с полтиною, ему вазу, а он рубль. Потом спустил добро, сам всем задолжал, запутался. Позвал к себе дальнюю родню – брянскую племянницу с семьей без прописки. Впал в детство. Просил, чтобы вокруг кровати натянули сетку.

Все ждал птиц, которые скоро прилетят и заклюют до смерти.

Но птицы не летели, из родни все умерли один за другим от наследственной болезни. Последней сдохла собачонка.

Вернулись из лагерей некоторые жильцы. В лагерях, слушая вой овчарок и мат вохровцев, они копили ненависть к дворнику годами, желали отомстить. Мыкая горе в северном отдалении, они и остались живы лишь потому, что рисовали перед собой сцены казни.

Вот уж выволокут оборотня из берлоги, разведут кострище в бывшем фонтане, подвешат котел с мазутом, станут жарить Кондратия. А он будет корчиться, молить о пощаде, оглашая ревом окрестности до самой Марьиной Роши.

Но жарить не стали. Завидев бледное лицо старика в покосившемся и вросшем в землю окне, грозили кулаками, плевали в стекло, а пару раз выбили.

Козлов вставлял.

Еще когда он был при силах, подстерегли, завалили, поколотили во всю страсть русского гнева. Но как водится, перестарались. Угодил Козлов в больницу с сотрясением мозга, а когда вышел, сделался будто чумной.

Но с годами все вышло у людей из души, вылетело как дым, обернулось тщетой.

Уже не об отмщении думалось им, а о неизбежном приближении смерти. Смертушки, её родимой. Которая при большевиках, казалось, наступит очень нескоро, а может быть даже и никогда.

Не потому ли, – Козлов уж запомнил, в каком году, – он подковылял к греющимся на солнце старухам-лагерницам, содрал с головы ушанку, что носил зимой и летом, поклонился в пояс, молвил:

– Простите, люди.

Люди пробормотали в ответ что-то несвязное, неразборчивое, типа «Бог простит», некоторые плюнули и отвернулись.

А одна, которой, несмотря на все гадости жизни, приглянулся когда-то Козлов, уронила лицо на руки и заплакала.

Об этих подробностях не знал, да и не узнает уж никогда Корсунский, которого жандарм и эсер превратили в крысу.

А в данную минуту жизни крохотный желудок грызуна сдавило спазмой голода. Ерзая и едва сдерживая себя, чтобы не накинуться на еду, Корсунский смотрел, как дед перемешивает мясо с горячими макаронами.

Закончив стряпню, Козлов наложил себе еды в тарелку, а Крысу – в бывшую собачью миску.

Стали есть. Хозяин ложкой. Гость, которому с непривычки дико мешали клыки – зарывшись носом в гущу макарон.

Крыс сначала перегрызал их на мелкие части, и затем проглатывал.

Одна макаронина повисла на бороде деда, что вызвало у Ильи брезгливое раздражение, даже тошноту. Он даже хотел сказать, что вот, дескать, Кондратий Ионыч, застрял продукт в ваших волосах, но удержался от замечания, поскольку вид крысы возле миски тоже вряд ли мог кого-то порадовать.

Чтобы отвлечься от желания вытащить макаронину из бороды деда, он осторожно спросил, икая:

– Нельзя ли узнать, Кондратий Ионович, почему вы меня спасли, воля ваша? Я же, хоть и белого окраса, отчего, говорят, похож на морскую свинку, но все-таки крыса. А вы, дворники, я слышал, не очень любите крыс?

Козлов опустил ложку в тарелку, помрачнев.

– Не любим? Да я этих тварей ненавижу. Никакой отравы, никаких котлов не хватит, чтобы вашего брата передушить. В иные дни мету двор, глядь, – бежит, стерва, наперерез. Хвать ее поперек хребта, а тут уже и другая!

Корсунский затих, моргая.

Это почему-то рассмешило Кондратия.

Он прыснул, желая рассмеяться, но тут же закашлялся, захрюкал, и, подойдя к ведру, жирно сплюнул.

– Да ты не бойся, – сказал он, отдышавшись, – не трону. Если б захотел, там же, в мусоре, тебя и порешил.

– И все-таки вы не ответили на мой вопрос, – напомнил Корсунский, поражаясь собственной отваге.

– Ну, докопался! Какой такой вопрос? Почему не порешил? – уточнил хозяин, вылавливая мясо из тарелки.

Корсунский кивнул.

– Так ведь ты говорящий! А у меня... А я... столько лет человеческого голоса не слышал. – Кондратий захлюпал носом, глаза его увлажнились. – Сам с собою разговаривал. Поверишь ли? Думал, свихнусь.

Крыс перестал жевать и замер. Ему показалось, что старик был готов рассказать ему нечто сокровенное, может быть, очень тайное, что готово сорваться с языка, и решил не перебивать.

– Глянь мне в глаза, – попросил Козлов. – У меня там горят фонари или потухли?

Корсунский поглядел в стариковские очи.

– Еле-еле светятся, – честно ответил крыс, шевеля ушами. – У вас там бельма растут. Наверное, глаукома. Или катаракта.

Дворнику это не понравилось. Он даже замахнулся, чтобы стукнуть Крыса ложкой по шерстяному лбу, но передумал.

– Пусть хоть совсем зарастут, я тебя и нюхом учую. – Он уставился на Крыса, утер рукавом сальные губы, а затем прошептал: – Очень большой секрет, Ильюха: давно помереть хочу, да никак не получается. Уже и отвар из сушеных мухоморов пил, и керосин, и мышьяк в суп клал. Один раз повеситься собрался, а веревка-то бельевая, ветхая, довоенная еще, возьми да оборвись.

– Может быть, у вас болезнь такая? – спросил Корсунский.

– Не знаю.

Он тяжело встал, поплелся к сундуку, отпер замки, порылся и вытащил древнюю книгу в засаленной обложке, Псалтырь. Затем нацепил очки с треснувшими стеклами и на бечеве, перелистнул страницы. Водя ногтем по странице, прочел уныло:

– Мы теряем лета наши, как звук; дней наших – семьдесят лет, а при большой крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим.

Он захлопнул Псалтырь.

– Везет же людям. Что же я никуда не лечу?

Крыс как раз нацелился на жирный кусок мяса посередине миски, очень его хотелось ухватить, но в столь волнующий момент он счел это неуместным.

– Видение мне было, – продолжил между тем мытарь.

– Очень вас понимаю, – по-светски отозвался крыс, ища глазами салфетку, в которой, впрочем, совсем не было нужды. – Бывает, такой наезд приснится, с масками, автоматчиками, мордобоем. Просыпаешься и думаешь: на самом деле полиция приходила или это только сон?

– Умный, – одобрил Козлов. – Коли закорешились, расскажу. Только никому!

Корсунский в ответ приложил лапу к мокрому носу и получил звук: «Т-с-с!»

– Как-то раз просыпаюсь, в ногах сидит мужик. Папаха, галифе с лампасами, погоны золотые. Чистый генерал. Поворачивается ко мне, глаз не разглядеть, черными очками прикрыты. Я ему на всякий случай: «Здравия желаю!» А он мне: мы, дескать, товарищ Козлов, ужас как вам благодарны. Вы, товарищ Козлов, столько народу загубили, что заслужили пре-

мию. Я молчу. А он – свое: вы, говорит, будете теперь жить долго. И сразу пропал. Растворился, знаешь, как рафинад в стакане.

– Могу предположить, – дипломатично вставил крыс, – что в описываемый вами период вы накануне крепко перебрали. Иначе бы никакой генерал к вам не пришел.

– Да ты что! – Козлов замахал руками. – Мне уже в тот год восемьдесят стукнуло. Считаю, с тех пор водку не нюхал. И пошли годы. Девяносто – живу. Сто – живу. Сто двадцать – и ни в одном глазу. Уже и со счету сбился. Какой хоть сейчас век?

– Двадцатый первый почали, – растерянно проговорил Крыс.

– Батюшки! – искренне поразился Кондратий. – Кто же теперь генсек?

– Нет уж давно генсеков. Президент у власти. В России капитализм. Я вот даже сам некоторым образом коммерсант.

Козлов гыкнул и зашевелил бровями.

– Контра, значит. При Александре так было и при Николашке Кровавом. Вешали потом всех без разбора.

Козлов прилег, накрывшись овчиной. Корсунского же положил в ногах, но тот еще долго лежал, моргая глазами, почесывая лапой брюшко и обдумывая свое приключение.

Строить план побега, чтобы оказаться во враждебном мире, он не хотел и не мог. Без опыта выживания на воле его бы рано или поздно подстерегли бдительные московские коты. А если даже и не коты, так крысоловы, разбрасывающие отраву и битое стекло.

Армия серых собратьев, построивших империю в глубинах метро, в подвалах, на свалках, вряд ли бы его, белого, приняла за своего. К тому же он привык быть лидером. Начинать карьеру, подниматься по ступенькам крысиной иерархии поздновато. Если уж люди идут к власти, шельмуя, мошенничая и предавая, оставляя за собой гору трупов, то какие же свирепые законы должны быть у крыс?

И тут ему в голову пришла ясная и простая мысль.

Люди ничего нового не придумали. И Чарльз Дарвин (тут прав чертов эсер Каляев, ох, как прав!) все предвидел. Однако учение его требует ревизии. Крысиная натура передается многим человеческим особям по наследству. Дарвин! А как об этом Габричевский не догадался?

Осторожно, чтобы не разбудить Козлова, Илья Борисович перевернулся на другой бок.

Скорее всего, крыс завезли на Землю пришельцы, а через тысячи лет из них выделилась высшая популяция. Поглощенные гордыней, люди, конечно, забыли о своем истинном происхождении. И вспоминают о предках, когда те перегрызают очередной кабель.

– Кабель, бугель, кегель... – засыпая, бормотал крыс. – И железо нипочем, и дерево, и бетон марки триста... Фр-р-р... Шрю-с-с-с... Ухтя-а-а...

Глава 9. ЗЕЛЕННЫЕ ДРУЗЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Германская Империя, предместье Мюнхена, 1910 год

Предвестниками перемен стали сны.

С Максимом и раньше такое было, когда его будил кашель жены. Он зажигал лампу, искал микстуру, поил ее с ложки. Старался не смотреть в запавшие под лоб глаза Тани, на ее лиловые губы, не ловить ее измученный взгляд.

В этих снах люди жили без царя, в тотальной прямоте улиц, в домах, напоминающих ящики из-под мыла.

Он бы отправился в то отдаленное время, но боялся разочарований всем существом постояльца XIX века.

В будущем он был все тот же Ландо, и звали его так же, Максим Павлович, однако жил он в неизвестном городе, по улицам которого носились плоские, похожие на футляры от очков, автомобили.

Там у него была квартира, оснащенная фантастическими приборами. Вроде ящика с экраном, через который можно было смотреть синематограф. Или электрического шкафа, где еда замораживалась. Или вроде странной печки, где она, напротив, разогревалась без огня.

Там он имел другую профессию, не изобретателя, как теперь, а строителя. Причем в обязанности его входило не возводить, а сносить старые дома.

Разрушение производилось с помощью машин на гусеницах, ковшей, подвесных гирь и ножей, укрепленных впереди трактора, а также взрывчатки.

Максим ломал. То деревянные бараки. То конторы, наспех сложенные из кирпича, то особняки с намеком на готику. То лишние заборы и трубы.

Поэтому он знал, что всякое строение, даже самое ничтожное, имеет свой нор, и порой так сопротивляется гибели, что готово отомстить. Едва зазеваешься, получишь балкой по башке.

Иную кладку, сложенную хитрым способом, с добавлением, например, яичных белков, ни киркой не возьмешь, ни ломом, искры летят. Только взрывчаткой.

Тонкий знаток конструкций, он будто бы досконально изучил свое дело. Так восточный единоборец сначала постигает анатомию тела, чтобы выявить слабые места.

Иногда он будто бы переносился в Рим. Но даже собор св. Петра занимал его лишь с точки зрения количества взрывчатки, которую следовало заложить под колоннами. Банальный снос превращался для него в могучую симфонию краха, тотального поражения, апокалипсиса.

Ночные видения возникали в сознании штабс-капитана столь отчетливо, что наутро ему хотелось нарисовать их.

Получалось, что и вся предыдущая жизнь Максима, – Москва, диплом, работа у Жуковского, служба в Гатчинской авиашколе, Санкт-Петербург, знакомство с очаровательной Леонтьевой, затем Женева, Интерлакен и Мюнхен, – все это никакая не судьба.

Он чувствовал, что судьба – это он сам.

Поэтому разработка аэроплана и разгадка тайн великого Времени соотносились в его сознании весьма странным образом.

Пусть весь мир летит вверх тормашками, думал Ландо. Он нынче не понимал, что такое слишком поздно. Это «слишком поздно» сжималось петлей на Танином горле в день ее агонии.

Направление жизни теперь уже не казалось ему необратимым. А значит, трагическим.

И все равно жаль, что в те дни, когда угасала любимая женщина...

Да-да, в те дни он еще не знал, что бесполезно думать об отрывке настоящего, переходящего в вечное прошлое, как к фатальной трагедии.

Потому что, бодрствуя, люди осознают лишь пространство, но не время.

Той же весной шизофренические представители матушки Земли решили продолжить игру.

– Посади розу, – твердили они, – и все переменится к лучшему.

– Что «все»? И почему розу? – будто бы спрашивал Максим, желая, чтобы голоса замолчали. – Не хочу я никакую розу!

– Это будет не совсем роза, – возражали ему, —это новая точка отсчета.

– Будильник? – язвил Максим.

Он просыпался злой, ощущая, что ночные советы странным образом совпадают с его планами отгородиться от реальности.

Ну, что же, да... Почему бы не посадить цветок в память о жене?

Хотя Таня не любила цветы или, по крайней мере, относилась к ним равнодушно, считая их пережитками буржуазного быта.

Она еще фрейлиной собиралась спрятать в букете пистолет, чтобы выстрелить в Николая П. И только случайность помешала ей.

Ландо вспоминал, как в Швейцарии они, дурачась, разыгрывали сцену покушения.

Таня надевала кринолины, Максим – офицерскую фуражку. Она подходила к «царю» Ландо с букетом. Он должен был произнести: «Вы новая фрейлина императрицы? Очень приятно, сударыня. Эти цветы – мне?» А Таня, выхватив из-под букета браунинг: «Конечно, Вам, Ваше Величество. Получи пулю, мерзкий ублюдок!».

Максим, схватившись за грудь, опереточно падал.

Все это было ради нее, ради Тани!

Ландо купил саженец в питомнике под Мюнхеном.

В поезде он держал сверток на коленях, стесняясь его, будто ребенка-инвалида. Он пару раз укололся шипами и испачкал брюки землей. Придя же домой, перекрестился, вложил корневиче в лунку и обильно полил.

Когда лепестки начнут опадать, досадовал он, думая о времени розы, они будут похожи на пятна крови, которые оставались на Таниной подушке после приступов кашля.

Но еще до этого...

Идея с розой совпала с увлечением штабс-капитана Ландо огородничеством.

Увлечение охватило его после запоя.

Хотя сначала оно походило на обычное стремление похмельного интеллигента произвести генеральную уборку.

Ландо разрыхлил почву до пуха, развел закусочный укроп, мяту для добавления в чай, пастернаки, аромат которых облагораживает любой салат, а также озимые чеснок и сельдерей, усладу авиатора. И перцы, которые он запекал по-балкански с травами и козьим сыром.

Взрослые патиссоны были похожи на противопехотные мины и оставались на грядках неубранными.

И тут соседи, немецкие пилоты, подсунули ему загадочные семена.

Немцы сказали, что если приличному бюргеру и стоит что-то выращивать, то именно *die grüne Freunde des Menschen*, зеленых друзей человека. Ландо ничего не понял, но не смог устоять перед бурей и натиском. И доверился аграрному опыту летчиков.

Пока он не взлелеял рассаду, не утыкал ею грядки, пока не поднялись дружно стебли и из них не вылезли острые листья, похожие на жертвенные кинжалы майя, а макушки не зацвели махровым цветом, – Максим думал, что данная поросль называется единственно *Cannabis Sativa*. Но как-то утром, окинув взглядом плантацию «зеленых друзей», вспомнил, что ему с детства знаком этот сорняк, который мать называла нараспев – соколя трава меньшая. Короче, конопля.

Стоило огороду зазеленеть, дарители семян зачастили к нему под разными предлогами. То соли в долг, то керосину. А сами украдкой и ревниво взирали на плантацию.

Их нервная заинтересованность касалась видов на урожай.

Во время жатвы они бросились помогать Ландо. Раздевшись до пояса, немцы усердно махали серпами, напевая песни. Охваченные земледельческой радостью, пилоты иногда изрекали подходящую поговорку, например: *geteilte Freude ist doppelte Freude*, разделенная радость – это радость вдвойне.

Коноплю сушили на чердаке.

Максим помнил, что из стеблей конопли в имении его родителей выделяли ткань, похожую на парусину. Няня шила ему штаны и куртки, да еще плела веревки, наподобие шпагата, которым обвязывают посылки. Маслом, выдавленным из семян, мать смазывала швейную машинку.

Однако, судя по инструкции пилотов, использование урожая могло быть поинтереснее.

Во всяком случае, никто теперь не разберется, что сыграло в судьбе Ландо большую роль, конопля или роза, то есть, красота или порок. Важнее, что после посадки куста начались изменения, которых он совсем не ожидал.

Первую косую Максим Павлович забил под присмотром немцев поздним летом 1910 года. Жалея новичка, они позволили ему лишь несколько раз затянуться папиросой, набитой сушеной и измельченной травкой. Затем Ландо принялся дико хохотать и неприлично показывать на немцев пальцем. Очевидно, это был всего лишь «приход».

Авиаторы с папиросками, напротив, выглядели по-тевтонски строго, даже печально. Из-за чего Ландо предположил, что у германцев свой особый кайф.

И правильно.

Иначе после «обдолбежа» он тоже мог бы очутиться с ними в 1776 году, где в качестве рыцарей склочного князька Максимилиана III они сражались за его наследство с претендентами по мужской линии.

Ландо же показалось, что на него падает небо

Он даже подставил руки, как атлант, чтобы облака не ударили слишком больно. О-хо-хо!

Максим успел бы увернуться, но тут земля заходила ходуном, свет замерцал. Он уже не понимал, сколько времени прошло, но, в конце концов, обнаружил себя сидящим на траве подле немцев, которые трепали его по щекам. Ландо решительно забыл, кто он такой. Точнее помнил, что вроде бы должен быть здесь по какой-то причине, и даже мог назвать местность – аэродром вблизи Мюнхена. Но соотносить собственную личность с этим типом, который закатывал глаза, пускал слюни и грязно бранился по-немецки, – у него никак не получалось.

Поэтому и разговор вышел, как в покое для умалишенных.

– *Wer bin ich?* (Кто я?)

– *Du bist Herr Lando, ein Erfinder aus Rußland.* (Ты господин Ландо, изобретатель из России).

– *Und wer seid ihr?* (А кто вы такие?)

– *Ehrlich gesagt, sind wir deine deutsche Freunde und Kollegen.* (Честно говоря, мы твои немецкие друзья и коллеги).

– *Für solchen Fall, wer bin ich?* (В таком случае, кто я?)

Спустя год, Максим овладел процедурой забивания косяков и даже научился управлять последствиями.

Только однажды он смешал немного хэша с табаком, – ему не хотелось, чтобы набивка сильно опьянила его.

Первая затяжка получилась непроизвольно, за ней вторая, и тело его сделалось легким, как перо. Он хотел встать. Ноги не почувствовали тверди. Тогда он оттолкнулся от подлокотников, поджал колени и, глуповато улыбаясь, воспарил.

Это не было похоже на невесомость, о которой он читал у Циолковского, иначе бы Ландо стукнулся головой о потолок. Он ощущал вес, поскольку понял, что понемногу снижается, как шар, из которого выпускали газ.

Достигнув пола, Максим потяжелел, и плавными прыжками, как по Луне, интуитивно направился к двери.

Максим понимал, что все из-за наркотика.

Ему хотелось выйти на воздух, чтобы избавиться от опьянения. В глазах двоилось, и Максим инялся смешно ловить дверную ручку. После нескольких неудачных попыток, он, наконец, овладел ею, и вывалился за порог. Однако за дверью он никого не встретил.

Там, вообще, простиралась чужая местность.

Это уже был вовсе не аэродром под Мюнхеном.

Глава 10. АРКАИМ

3350 год до н.э., остановка линейного времени

... не аэродром под Мюнхеном, а вот что: штабс-капитан Ландо очутился на вершине холма. А под его ногами расстилалась долина.

Часы показывали половину двенадцатого ночи, а здесь было еще светло, и, судя по листве, стояла осень. Солнце понемногу пряталось за горизонт, небо темнело, и Ландо уже с трудом различал подробности ландшафта.

После кошмаров и видений в Моосахе Ландо легко принял новые правила игры. И на душе было легко. Однако беззаботность постепенно сменилась раздражением. Что же ему придется торчать здесь до утра? Ночи наверняка холодные. Он похлопал себя по карманам, ища спички, но не нашел. Даже костра не разведешь.

И тут в долине вспыхнули огни.

Сначала Максим принял их за кочевые костры, но, приглядевшись, понял, что у света иная природа. Фонари, организованные в гирлянды, располагались в виде двух правильных колец – одно внутри другого. От центра к окружностям вели радиальные лучи, что напоминало велосипедное колесо со спицами, утыканное светлячками.

Максим подумал, что перед ним машина, а может и летательный аппарат. Но агрегат без крыльев вряд ли поднимется в воздух. Присмотревшись, он понял, что это не машина. Перед ним простирался город, окруженный рвами с водой.

Он миновал мост и ворота, и очутился в помещении с несколькими дверьми. Максим хотел сосчитать, сколько же здесь дверей, но не успел, потому что одна из них отворилась. Вышел персонаж, типа, трубадур – в одежде из кожи и замши, при множестве пряжек и ремней. При этом, как показалось Максиму, каждый ремешок и каждая пряжка имели свое назначение.

– Я проводник, – сказал трубадур. – И добро пожаловать в город Аркаим, Максим сын Павла. Ты вызван Творцом.

Ландо не стал выяснять, откуда проводнику известно имя его. Это было бы уже совсем в традициях немецких сказок, а он не любил немецкие сказки: они почти всегда заканчивались назиданием. Волновало другое: не попал ли он на тот свет?

– Простите, я не умер? – спросил Максим.

– Ничего случайного в пространственно-временном континууме не происходит, – сказал проводник. – А потом, что ты называешь смертью?

– Прекращение жизнедеятельности организма и биологического обмена веществ, – без запинки ответил Максим. – Это я у Сеченова прочитал.

– Занимательно! – Незнакомец снял колпак, улыбнувшись. – Мы тут за много тысяч лет не смогли понять, что такое смерть, а какой-то Сеченов... Ну, ладно. – Он протянул чашу синего стекла. – Прежде всего, тебе следует успокоиться. Выпей.

– Еврейский молочный ликер? Казахская арака? Мексиканская текила? – гадал Ландо, разглядывая жидкость на свет.

– Это хаома золотоглазая, – ответил проводник. – Ее готовят из хвойного растения, эфедра, и разбавляют козьим молоком. Это придумал я.

Максим, которого давно мучила жажда, припал к сосуду и осушил его до дна.

Сначала ему показалось, что в голове завелся муравейник. Но вслед за этим неприятное ощущение исчезло, мозг заработал чисто и ясно.

Они пошли по коридорам, переходам, галереям, то поднимаясь по лестницам, то снова спускаясь вниз, пока не распахнулись очередные, – Ландо сбился, какие по счету, – двери в просторный зал.

По обе стороны стояла аппаратура неизвестного назначения. Изнутри своды зала казались прозрачными, над ними мерцали созвездия. В центре высился большой телескоп, а в торце, выложенном плиткой, Ландо увидел стол, изготовленный из зеленого минерала, напоминающего малахит. За ним сидел голубоглазый человек со строгим и спокойным лицом.

Когда проводник, поклонившись, удалился, человек внимательно оглядел Ландо.

– Привет, Максим сын Павла!

– Здравия желаю! – отозвался штабс-капитан. – С кем имею честь?

– Ормазд.

Ландо задумался: имя показалось ему знакомыми.

– Авеста? Индоиранская протокультура? Вы древние арии? Я в Персии?

Ормазд встал из-за стола, и штабс-капитан увидел, что бог одет в хорошо сшитый и дорогой костюм, какие можно заказать разве что в Париже.

– Ваши археологи все перепутали. Они думали, что арии разделились на иранскую и индоиранскую ветви между Индией и Персией. Но это случилось на территории, которую вы называете Россией. Твои земляки откроют Аркаим на Южном Урале, на рубеже двух эпох. И тогда убедятся: все произошло наоборот.

– Но мне неизвестно о таком открытии, владыка. Какой у вас тут год?

– Три тысячи девятьсот пятидесятый до новой эры. Это по вашему, весьма путаному летоисчислению. Вы же отсчитываете время от рождения Христа, а мы – от окончания всемирного потопа. И, пожалуйста, не называй меня владыкой.

– Извините, вы больше похожи на профессора, чем на бога, – попытался шутить Ландо. – Учителем можно? Мне кажется, очень по-домашнему.

– Внешность не при чем, – серьезно сказал Ормазд. – Я создатель всего сущего. И, поскольку ты мною избран, нужно определиться. Я настоял перед амахраспандами, чтобы выбрали тебя. Так что либо ты следуешь идеалам Воху Маны, то есть благому помыслу Неба, либо служишь Ариману, будь проклято чрево тьмы, его породившее. Имя у тебя звучит по-аркаимски неблагопристойно: Максим сын Павла... Фу! Может быть, наречь тебя Тазиганом?

– А что такое Тазиган?

– Озеро было такое. Там верблюдов купали. Теперь высохло давно.

Максим заколебался.

– Удачно ли это, Учитель, когда тебя называют в честь высохшего озера, где к тому же купались верблюды?

– Не каждому же удастся получить имя от самого Творца. И при этом, заметь, как удобно. Никакая фамилия не нужна.

– Нет, мне моя фамилия нужна! Перестаньте, пожалуйста! Я дворянин! Я желаю остаться Максимом Павловичем Ландо!

– Смешно! Не кричи только! Попадешь в резонанс, мозаика на стенах отвалится!

Не очень-то похоже на смерть, подумал Максим. И не сон. Ему такие сны еще не снились.

– Ты, Максим, должен будешь ко многому привыкнуть. Здесь не небеса и не Олимп, как думали, к примеру, чудаки-эллины. Аркаим развился из предгоризонтной обсерватории. Теперь это межгалактический центр.

– Вы астроном?

– Точнее, астрофизик. Но не только. Главная задача Аркаима – управление потоками Времени. Ты здесь потому, что нами решено создать отряд корректировщиков.

– С какой целью?

– Слишком много негодяев скитаются во Времени. Есть такие, кто произвольно изменяет причинно-следственные связи. А потом начинается... То какое-нибудь ничтожество президентом изберут, то войну начнут не там. Из-за этой неразберихи уже сил нет метаться. Дьявол Ариман, конечно, радуется. Для него нет ничего лучше, чем разрушить мировой порядок.

– Это такая работа, да?

– Нет, – жестко возразил Ормазд, – это власть. Причем такая, что ни одному смертному не снилась. Послужишь нам до эпохи Весов, а там посмотрим. Может быть, тебе и самому не понравится, захочется на пенсию. Приложи левую руку к сердцу, Максим, и поклянись, что выбираешь идеалы Воху Маны.

Ландо задумался. Он не любил давать лишних обещаний, так как знал, что в конечном результате они ведут к несвободе.

– Разве у меня есть выбор?

Ни один мускул не дрогнул на лице бога.

– Разумеется. Только намекни, что предпочитаешь Аримана, и в ту же секунду окажешься в своей лачуге. Через четыре года начнется мировая война. Ты вернешься в Россию, попадешь в эскадрилью полковника Лемана. В результате победит Ариман. Он погрузит человечество в опасную иллюзию моноидеологии. Люди начнут думать, что при помощи равенства можно добиться справедливости, а в результате погибнут миллионы. Но ты не доживешь даже и до этого. Ты умрешь за год до начала битвы двух титанов, в 1932 году по вашему летоисчислению.

– Получается, я проживу шестьдесят три года? – Максиму стало грустно.

– Я уже сказал, что выбор у тебя есть.

Ландо вдруг почувствовал, что Ормазд может сказать ему еще нечто, но самое важное, что все объяснит, но после чего жить станет уже невозможно.

– Я клянусь, учитель, – молвил он, – что выбираю идеалы Воху Маны – добрые помыслы Неба. Но почему я?

– Ты не первый. До тебя мы посылали людям Заратуштру. Он примерно так же рассуждал. Этот посвященный многое успел сделать. Но Нечистый оказался сильнее и всячески извратил его наследие.

– Вы имеете в виду ранние источники? Или Ницше? Я читал «So sprach Zarathustra».

– Дело не в том, как философы извращают истину. А в том, чем это потом оборачивается, – сказал Ормазд. – Через двадцать три года, по вашему календарю, «Архив Ницше» посетит один из самых страстных его почитателей, некто Шиккельгрюбер. Ты еще о нем когда-нибудь услышишь, Максим. Он уничтожит целые нации.

– И что же, ничего нельзя изменить?

– Мы пытались. Семя Заратуштры хранили в озере Кансава. От него должны были родиться сыновья-спасители. Однако из-за вмешательства темных сил, мир стал развиваться в таком опасном направлении, что толку от сыновей-спасителей уже не было бы никакого. Теперь решающая битва должна произойти в России.

– Битва за что?

– За древние врата Времени, на которые покушается Ариман. Мы решили изменить некоторые последовательности, и помешать Нечистому. Пусть думает, что овладел разломом. Все равно врата будут уничтожены в тот момент, когда мы подготовим новую площадку. Уже и место присмотрели.

– Где же, если не секрет?

– Ты узнаешь. А пока следуй закону Авесты. Он есть объяснение мироздания, и творца, который постоянен и безграничен во Времени. Ибо Ормазд, место, вера и время Ахура-Мазды были, есть и всегда будут. Закон Авесты есть и объяснение Аримана, который пребывает во тьме, в страсти разрушения и бездне. Он был, есть, но не будет. Место разрушения и тьмы – это то, что называют «бесконечная тьма». Безграничное же есть Верхнее. Его мы называем Бесконечным Светом. Ограниченное – Бездна. Между одним и другим духовными началами – Пустота. Или, говоря научно, треть измерение Великого Времени. Власть Ормазда полностью будет достигнута при конечном воплощении. Когда оно наступит, творения Аримана погибнут.

Ландо внимательно слушал бога, пытаясь осознать его слова во всей глубине.

– Думаете, я справлюсь?

Ормазд усмехнулся.

– Конечно, ты всего лишь смертный, одному тебе ничего не удастся сделать. Но с этого момента ты есть мое оружие, воля, интеллект и карающий меч. Ты теперь не принадлежишь только себе.

– Может, я умер?

– Ты не умер, исходя из того понятия о смерти, которым пользуются обычные люди, но и не жив. Тебе откроется великое Время во всем его объеме. Ты не сразу привыкнешь и не сразу поймешь.

Глава 11. ДОСТУП

Бог нажал на клавишу и приказал:

– Коллега Шахревар, доставьте аппаратуру.

Появился амахраспанд, апостол, одетый, подобно Ормазду. Он катил перед собой тележку, на которой Максим заметил сундук с коробочками, похожими на футляры от орденов. В каждой лежал золотой кулон, похожий на карманные часы, только раза в три больше.

Шахревар нажал кнопку, крышка отскочила, под ней оказалось табло, – таких еще никогда не видел Ландо, – ряды кнопок и индикаторов.

– Это синхронизатор нелинейного доступа, СНД. Позволяет войти в третье измерение Времени. Но ты не беспокойся, приборчик несложный. Работает как пульт от телевизора.

– А энергия? – заинтересовался Ландо. – Электричество?

– Чуть не забыл, что в твоей эпохе не знают ничего, кроме электричества. Ради него вы сейчас сжигаете недра. Потом вы, как безумные, приметесь расщеплять ядро атома. Космические энергии вам не скоро станут доступны.

– Сколько приборов я могу взять? – спросил Ландо.

– Сколько потребуется. У тебя будет главный синхронизатор и еще один запасной. Остальные раздашь членам отряда. Чтобы патруль случайно не взял власть или не переметнулся к дьяволу, их действие будет под твоим контролем. Хотя важнейшие функции сохраняются.

Максим нашел продолговатую кнопку, нажал ее и вздрогнул: крышка кулона откинулась, засветился дисплей.

Ландо прочел:

«Место корректировки – Россия.

Период по местному летоисчислению – конец XX века.

Политическое устройство – посткоммунистический феодализм с элементами криминального капитализма.

Экономика – кризис, минимальная интеграция в мировое сообщество.

Способ корректировки – государственный переворот.

Цель корректировки – замена власти на более эффективную.

Доля вмешательства в соотношение причинно-следственных связей – 10 процентов.

Ожидаемый результат – превращение страны в базовое демпферное государство перед главной битвой третьего тысячелетия – войной Востока и Запада.

Временной портал и санкция на нелинейный доступ – Москва, Шестой Индустриальный тупик, дом шесть, котельная».

Где-то в другом времени, почти через девяносто лет, на месте Российской Империи существовало государство, которое переняло от царского режима самые отвратительные черты: неуважение к личности человека, его правам, свободам. Оно вооружилось таким мощным оружием, какого еще не знала история, и угрожает миру. Цивилизованный мир запер страну тотальными санкциями.

И теперь именно ему, Максиму, предстоит изменить причинно-следственные связи, найти нового президента. Да еще оградить старый временной порт от происков тьмы.

И ничего лучше не придумали мудрецы, апостолы Ормазда, чем разместить портал в старой котельной.

Но о какой котельной толкуют в Аркаиме, если дома монархия? Все кажется монолитным, сработанным на века! И Николай со своей безумной свитой, и полицейский режим с жандармами да послушной армией. И сословная машина, лишь для виду отменившая крепостное право. И репрессии оседлости.

А кто реально хочет перемен?

Максим перебирал известные ему партии. Кадеты? Одна болтовня. Большевики с большевиками? Зануды и фантазеры. Ну, написал Маркс бестселлер по экономике, а они в него вцепились, как в Библию.

Правые? Там одни антисемиты во главе с сумасшедшим Пуришкевичем. Самое поразительное, что и анархисты, к идеям которых он испытывал симпатию, вряд ли были бы способны на корректировку.

Может, эсеры?

На эсерах Максим остановился интуитивно: этих людей он чаще всего встречал в последние годы. Наблюдая за Таниной работой в терроре. Отчего бы не эсеры? Они не боятся крови. А без крови ни одна смена власти невозможна. Они уважают дисциплину, знатоки конспирации. Способны жертвовать собой.

Дома, в его России, 1911 год. Боевая организация разгромлена. Метальщики бомб либо повешены, либо тянут каторгу. Но у него есть синхронизатор. И начинать нужно с весны 1905-го.

Ландо не был уверен, но кажется, в середине января пятого года Леонтьева показала ему одного из самых засекреченных членов партии эсеров. Максим издали увидел белобрысого человека в синей поддевке, с гарусным платком на шее. Ничего примечательного. За исключением, пожалуй, оттопыренного уха, и влажных, чуть навывкате, глаз.

Это был Каляев.

Каляев расхаживал с лотком, как шарманщик, однообразно выкрикивал:

– Пи-рож-ки, господа! Пирожки с капустой, мясом, вязигую, печенкой с луком!.. Эй, матрос, что к земле прирос? Подходи, кавалер, угости-ка барышню!

– Иван один из самых лучших и светлых людей, которых я знала в своей жизни, – сказала Таня о лоточнике.

Чем даже вызвала у Максима ревность.

Но к вечеру того же дня он был вынужден снова вспомнить Ивана – поскольку газеты закричали об убийстве великого князя.

Вот кто мог бы возглавить отряд!

Его размышления прервал проводник.

– Вы неважно выглядите, брат Максим. Не волнуйтесь. Все сначала волнуются. Это нормально и скоро пройдет.

Ландо вышел за пределы города, на вершину того холма, откуда ему впервые открылся Аркаим. Проводник возложил руку на плечо странника, и он мгновенно перенесся в свое время, оказавшись на Фрегате со свертком в руках.

Стрелки на его хронометре дрогнули и пришли в движение.

Вот такая вышла история...

Глава 12. ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ

Российская Империя, Москва, 1905 год, зима

Пока Максим валялся на широченной постели в «Метрополе» и читал газеты об очередных убийствах, Каляев расхаживал по Москве с чувством превосходства.

Теперь Янек не просто рядовой бомбист. Он – посланник таких сил, о которых не ведают никто.

Он – сверхчеловек.

Его распирало поскорей проверить синхронизатор. Придумать желание и пусть сбудется немедленно!

Вместо этого Иван Платонович шатался по чайным.

Он будто бы забыл, что нельзя привлекать к себе внимание. Со всяким встречным заводил разговоры про Москву и произвол. Про невинных людей, которых сажают за решетку «царские псы». А также про то, что лекарство для России революция, а ее судьба – социализм.

И вот чудеса! В городе, наводненном филерами, ему удалось не нарваться ни на одного шпика. Как будто агенты охраны шли одними тропами, а Каляев другими; их пути не пересекались.

Между тем приближалась роковая, переломная дата в жизни Каляева, 4 февраля.

Террорист никак не мог отделаться от навязчивого желания – посмотреть на второй заход с бомбой против великого князя. И не утерпел. Он надел котелок, нацепил черные очки, отчего стал похож на городского слепого, приклеил к лицу бороду, выпил водки и пошел на Ильинку.

У Гостиного двора он, конечно, увидел самого себя в крестьянской одежде. Тот Каляев, убийца, выбрался из саней вслед за Савинковым, укутанным в шубу.

Иван Платонович заметил, что лицо двойника было бледно.

Он не слышал, о чем говорили пассажиры саней, зато хорошо помнил, как они простились. По дороге Савинков убеждал его, что для убийства мало одного метальщика, но так и не убедил.

А потом Борис сказал, посмотрев ему в глаза:

– Прощай, Янек.

И он так же просто ответил:

– Прощай!

На кремлевской башне часы пробили два.

Иван Платонович посмотрел, как Савинков и двойник Каляева расцеловались, побрел вслед за метальщиком к Никольским воротам. Припал к иконе Иверской Божьей матери.

Он знал, для чего террористу икона. Здесь хитрость. В углу ее прибита к рамке лубочная картинка под стеклом, изображающая коронацию Николая.

В стекле, как в зеркале, отражалось здание суда.

Разглядеть подъезжающую карету – пара пустяков.

Ивана Платоновича немного удивило, что метальщик не заметил его, бредущего сзади. Но, вспомнив, каких нервов стоил ему тот день, понял: ничего террорист не видит. Он в таком шоке, что ровным счетом ничего не видит, кроме мишени.

...Когда в Боевой Организации заказали великого князя, Каляев и Куликовский приступили к тренировкам. Они поехали под Коломну, нашли похожую карету и лошадей, изготовили муляж адской машины. Куликовский садился на облучок, выезжал из леса на большак, Иван метал газетный сверток, перевязанный бечевой, куда сложили несколько журналов «Нива»: как раз по весу подходило.

Затем менялись местами.

Докладывали Савинкову: с большого расстояния не получится. Пробовали с десяти шагов – мазали. С семи, с шести...

Куликовский на учениях нервничал, волновался, и мазал даже с близкого расстояния.

Иван не рассчитывал на него.

Иван хотел – сам.

И дистанцию для броска вскоре точно определил: четыре шага.

Поэтому теперь, когда карета приблизилась к зданию суда, и извозчик крикнул «Тпру!», Янек повернулся резко, пошел быстрым шагом, побежал, и угодил бомбой точно в окно.

– Бу-у-ух!

Страшный гул прокатился по окрестностям, ударил в кремлевские стены, вернулся обратно эхом и шваркнул Каляева по ушам.

– Бу-у-ух!

Иван Платонович наблюдал акцию. И вот, чего раньше не замечал он – никто не побежал к месту взрыва. Поразительно. Наоборот, пару прохожих шарахнулись в сторону.

Из окон посыпалось стекло.

Внутри суда сделался переполох, раздались крики, беготня паническая.

Утренние газеты потом напишут, что в нескольких залах, где шли заседания, канцеляристы от ударной волны попадали со стульев.

Иван Платонович перевел синхронизатор на невидимый режим, подошел ближе.

Ему открылись детали, на которые он прежде, в волнении и дрожи не обращал внимания.

Шагах в пяти у ворот лежало то, что осталось от его высочества, – а именно: части тела вперемешку с обломками кареты.

– Попал, попал, – твердил Каляев безумно, – попал – насмерть!

Голова с одним приоткрытым глазом валялась у парапета. Там, где еще минуту назад находились задние колеса, стоял метальщик с окровавленным лицом и оглядывался.

Бедный Янек, подумал о себе другом Иван Платонович.

Лицо террориста ранило щепками, сорвало с головы картуз. Он поднял его, отряхнул неловко и нахлобучил. Истыканная кусками дерева поддевка обгорела, изорвалась в клочья.

О, Боже, ужаснулся Иван Платонович и перекрестился. Прости, Вседержитель, меня и его! Грех, грех!

До того как вокруг бесформенной кучи из дерева, металла, лоскутов белой кожи, руки, с торчащими из нее сухожилиями и странно вывернутой ноги в лаковом сапоге собрались люди, прошло, как теперь казалось Каляеву, несколько длинных мгновений.

Однако террорист будто бы и не пытался бежать. Он стоял поодаль, в оцепенении, утирая рукавом бисер чужой крови с лица.

Я мог погибнуть, и хотя выжил, не убежал, с запоздалым сожалением подумал он. Что за дурак? Почему?

Иван Платонович попытался вспомнить свои ощущения после взрыва.

Но в голове не сохранилось ничего существенного.

Помнил, садануло горячим дымом, сыпануло щепками в лицо. При этом он даже не упал, только отвернулся. Потом, кажется, стало все равно. Умиротворился. Пришел покой, который бывает после окончания трудного и нервного дела.

Раз наказание неминуемо, что ж волноваться? Кто там тебя первым схватит, кто арестует, и станут ли бить, – не имеет значения. Ничего не важно после возмездия, продуманного долгими месяцами. Возмездия жесткого, преднамеренного. Особенно, если план проработан до мелочей, обсужден, выверен, согласован с товарищами. И если сам столько раз прокручивал акцию в голове.

А растерзанный Романов – не твой личный враг. Он для России, матери многострадальной, камень на шее.

Но умно ли при этом самому пропадать?

Глупо, умно ли, так надо. На этом зиждется боевая работа, в этом ее смысл. Что и рознит метальщиков от уголовных бандитов. Именно – бескорыстие. Именно – самопожертвование. Пусть видит народ православный: боевые эсеры не болтают. Они саму жизнь готовы положить на алтарь революции и свободы. Берите голову, не нужна более: лишь бы другим счастье!

Вдруг у Ивана Платоновича, наблюдавшего на Красной площади за растерянным и подавленным метальщиком, мелькнула дикая мысль. В его власти прямо сейчас вернуться в одно из тех самых длинных мгновений после взрыва. Схватить за руку двойника, утащить подальше. Спасти от погони.

Ивану Платоновичу стало жаль не себя, уже пережившего в Шлиссельбурге ледяное ожидание казни. Ему было мучительно, необъяснимо жаль стоящего в стороне бомбиста.

Свершено.

Увезут несчастного в Якиманскую полицейскую часть, после – в Пугачевскую башню Бутырки, оттуда – со всей ужасной неизбежностью в Шлиссельбург, к виселице, к веревке.

Каляев нащупал под пиджаком корпус синхронизатора. Но вспомнив предупреждения Максима, одернул руку и засунул ее глубже в карман.

Лишь когда метальщик спокойно и очень медленно – сам, что ли, желал, чтобы его быстрее поймали? – двинулся прочь от обломков, тут уж наперерез ему рванулись сыщики.

– Держи! Держи!

Заломили руки, согнули. Картуз снова на снегу.

– Держи, говорю, убежит!

– Не убежит! Ух, мать... Окаянный!

– Проверьте, нет ли револьвера, – проговорил охранник жандарму, дрожа. – Ах, нет? Слава Богу! Мать заступница! И как это меня не убило, милостивый государь? А вас? Ведь мы были тут же! Жаль, не имею права пустить пулю в этого труса!

Еще не известно, кто трус, злорадно думал Иван Платонович.

Уворачиваясь, бомбист хрипел:

– Что же вы крутите, что держите? Зачем теперь держать? Я свое дело сделал.

И в этот момент...

Иван Платонович мог бы держать пари, что не помнил данного эпизода! Совсем не помнил! Поскольку его тогда уже посадили в сани случайного извозчика, повезли по Васильевскому спуску, где он, все еще с заложенными от взрыва ушами, орал что-то революционное, типа «Долой проклятого царя!».

Так вот, да-да, в этот самый момент, все увидели: из арки судебного зданья выскочила великая княгиня Елизавета Федоровна...

12 февраля бомбисту снова сообщат, что свиданья с ним добивается супруга великого князя. Его охватит неумная дрожь, даже спина вспотеет. Страх перед этой встречей покажется ему несравненно ужасней сцены у Никольских ворот. Он даже подумает, что вдова хочет отомстить за мужа. Например, проткнуть Каляевское сердце кинжалом. Но напрасно.

«Мы смотрели друг на друга, – напишет об этом свидании Каляев, уже в Шлиссельбурге, ожидая казни, – не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я случайно, она – по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать лишнего кровопролития. И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на ее лице благодарности, если не мне, то, во всяком случае, судьбе за то, что она не погибла».

Да уж, великая княгиня поведет себя совсем неожиданно в глазах русского общества.

В слезах и печали она заявит, что простила его. Что может уговорить государя сохранить бомбисту жизнь. Лишь бы покался перед Господом. Подарит иконку.

Она почти поверит, что Каляев кается сердечно, увидев слезы на лице террориста. Но Каляев, быстро взяв себя в руки и выразив сожаление, что принес боль столь красивой женщине, упрямо повторит: будь у него возможность тысячу раз убить тирана, он столько же раз и убил его.

Они расстанутся скорбно и раздраженно, так и не поняв друг друга.

Разумеется, вовсе не потому, что террористу было в тот момент неполных двадцать восемь лет, а ее высочеству – сорок. Не пройдет и месяца скорби, как вдове захочется построить Марфо-Мариинскую обитель. В память о двух сестрах Лазаря – Марии и Марфе, которые предложили Христу два пути, деятельный и созерцательный.

Так начнется ее собственный крестный путь, вплоть до причисления к лику святых в далеком 1994 году.

Ну, а пока, а пока-то – на Красной-то площади, она, как черная птица, взъерошенная, встревоженная, – в ротонде, но почему-то без шляпы, – приблизилась к тому хламу, который еще недавно был каретой с ехавшим в ней законным супругом ее Сергеем Александровичем.

Здесь уже собралась толпа. Однако люди словно оцепенели.

Великая княгиня, простоволосая, с прекрасным, но бледным лицом, металась от одного зрителя к другому, кричала с легким немецким акцентом:

– Как вам не здыдно! Что вы здесь змотриде? Уходьите, уходьите!

Более всего Елизавету Федоровну задело не то, что люди стоят и смотрят. Пусть бы стояли дальше, пусть бы смотрели! А именно – не снятые головные уборы.

Лакей их уговаривал:

– Постыдитесь, господа, снимите шапки, прошу вас. Помилуйте, не по-христиански получается. Человека убило, а вы!

Полиция пребывала в бездействии.

Вот ваше самодержавие! Так зло думал Иван Платонович, кутаясь в меховой воротник. Не то что страной править, а даже вызвать у народа уважение не могут. А народ не дурак. Уж этот великий князь, прости Господи, таким подонком был, такой отборной сволочью и столько всем нагадил, что даже полиция не шевелится!

Ему стало смешно, когда товарищ прокурора судебной палаты, крадучись, вышел из здания суда, скользнул тенью мимо толпы через площадь. А спустя четверть часа снова появился, но уже на извозчике, и пару раз, – как бы он тут не при чем, – проехал мимо, с ужасом поглядывая на останки.

У бомбиста же озябли ноги, пока дождался солдат.

Те отогнали зевак и оцепили печальное место.

Из труповозки – кареты с синим крестом – вылезли мужики в клеенчатых фартуках.

Они не без отвращения рылись в куче палками и складывали останки в разостланную на снегу мешковину.

Глава 13. БОМБАРДИРОВЩИК

Германская Империя, предместье Мюнхена, 1911 год

Еще до броска в Аркаим, встав чуть свет, Ландо перебирался из Фрегата в ангар, садился на табурет посреди мастерской.

Кажется, ему снова повезло. После вице-губернатора Леонтьева проектом вдруг заинтересовались боевые эсеры. Причем такая крупная фигура, как Савинков. Они предложили превратить аэроплан его в боевую машину, чтобы поразить русского царя с воздуха.

Эсеры?

Еще недавно монархист Ландо делал вид, что соглашался с женой насчет убийства Николая Второго. Во имя любви к жене. А Таня за чаем говорила так страстно, что готова была раздавить чашку в тонких пальцах:

– Пойми же ты, наконец! Стоит убрать Николашку, и жизнь в России станет лучше, легче, логичнее!

Штабс-капитан нервничал, вспоминая Присягу, и злился. Он мыслил себя человеком чести. И сидя на террасе с папиросой, утешался тем, что он не политик, а изобретатель, конструктор. Ландо желал любыми средствами закончить аэроплан. А средств не хватало.

Эсеры, говорите?

После смерти жены Максим стал относиться к социалистам-революционерам без прежнего восторга, отвернувшись от монархической к анархической идее.

Теперь он зачитывался Бакуниным и Кропоткиным, ненавидел государство, как тупую машину подавления свободы. И не мог устоять перед Савинковым, который выдавал деньги на аэроплан порциями, и, как правило, без задержек.

Если, конечно, не проигрывал их в казино.

Борис Викторович намеревался навестить ангар Ландо еще в мае, даже отбил телеграмму, но все не ехал.

Изобретатель заводил орнитоптер, перелетал на другой конец летного поля. Посадив «чайку» и привязав ее к столбу, как лошадь, чтобы не унесло ветром, он валялся на траве, курил и, от нечего делать, наблюдал за немцами.

Те запускали двигатель «Альбатроса».

Биплан напоминал Максиму полированный сервант в духе Людовика XVI: кабина отделана орехом, тумблеры на приборной панели никелированные, сиденье пилота – итальянская кожа.

Неистребима страсть европейцев к комфорту!

Пилот сидел под верхним крылом, механик крутил пропеллер, двигатель чихал, испуская клубы дыма.

Помучавшись, авиаторы подзывали русского:

– Maxim, ob Sie werden so sind lebenswürdig, unseren Vergasser zu regulieren? Максим, не будете ли вы так любезны отрегулировать наш карбюратор?

Штабс-капитан подходил походкой ковбоя, склонялся к механизмам с отверткой, возился минуту-другую. Мотор, благодарно хрюкнув, заводился.

Немцы переглядывались, наперебой кричали и поднимали большие пальцы.

Ландо участливо, но без зависти смотрел, как биплан вырывается на полосу, совершает разбег и, тяжело оторвавшись, взлетает.

Тянулись дни. Савинков не приезжал.

И пусть. Смешно торопиться. Куда спешить плотогону, направляющему стволы вниз по течению? Пусть себе плывут, и он двинется с ними вместе, не опасаясь изгибов реки, потому что в любой момент может спрыгнуть. Пусть все идет своим чередом.

Подгонять линейное время опасно, он уже знал это. А прорыв подобен нырянию в глубину. Набираешь воздух и вонзаешь тело в толщу озера, но дыхания может не хватить. И, кто знает, вдруг останешься там навсегда, вне этой мерцающей страны, вдалеке от Фрегата, где они были так счастливы с Таней. Правда, когда она ни в кого не стреляла. И до тех пор, пока изредка покашливала, а он растирал ей спину медвежьим жиром.

Но ангел хранитель морочил его и дразнил.

Вспомни, вспомни, как в иные дни вы катились друг за другом на велосипедах. По дороге, обсаженной липами. В сторону замка и парка, подставляя лица солнцу октября. Последние птицы пели вам по-немецки, и колеса шуршали по листве. Там впереди ждала харчевня, столик у плетня, и сладкое жаркое, и вино. Там Таня опускала лицо на твои ладони, а потом вы игрались, как дети, глядя друг другу в глаза, кто дольше выдержит.

– Прекрати, идиот! – приказывал себе Максим. – Не было ничего!

Нанятые им мастера уже полтора месяца не получали жалования.

Максим брал продукты в долг у фермера Фридриха, который привозил еду на лошади.

Несмотря на прилежность мастеров, автор проекта сверял размеры деталей с чертежами, что-то еще дорисовывал карандашом, производил подсчеты, хмурился, мерил шагами ангар.

Немцам передавалось раздражение хозяина, которое они, не находя других причин, истолковывали как недовольство их трудом. Платит кое-как, да еще и злится!

Однако Ландо волновался не случайно.

Сначала аэроплан мыслился, как спортивный. Военная машина прочнее. А, значит, из металла. Ведь помимо легчика требовалось поднять в воздух бомбу, не меньше сотни килограммов. Но металл – это трубы, гофрированное железо, множество заклепок. Как ни экономил Ландо, денег, выданных эсером, не хватало, и он выбрал дерево.

Поэтому любому гостю Ландо могло показаться, что он на мебельной фабрике. И разогретый столярный клей разносил по окрестностям дух скотобойни.

Выбирая обшивку, Максим остановился на арборите, который почти не применялся в русском авиастроении. Немцы о материале подобного качества еще не мечтали. Люди Савинкова невесть как доставили листы из Санкт-Петербурга в Германию.

Ландо знал, что дерево плохо работает на растяжение, нужно как можно надежнее крепить концы. Он заказал металлические башмаки и уголки и бдительно следил за прочностью.

Максим ухватывался за детали каркаса, беспощадно раскачивая их из стороны в сторону. Если замечал хоть малейшую трещину, заставлял все переделывать. Он помнил немало случаев, когда из-за экономии на шурупах, аэропланы рассыпались прямо в воздухе.

Фюзеляж от хвоста к носу постепенно приобретал сигарообразную форму, напоминая субмарину.

Ландо гладил аэроплан, как собаку.

К полудню слышалось цоканье копыт, скрип телеги – это приезжал Фридрих с обедом в армейских термосах.

Готовила для рабочих его жена, почтенная фрау Гретхен, которой приходилось сдерживать себя, чтобы не впасть в привычные кулинарные фантазии. Хотя, по настоянию Ландо, она экономила, еда получалась милой, домашней и любезной неизбалованному баварскому желудку.

Она советовала:

– Jeder Arbeiter soll Fleisch zum Mittagessen haben, Herr Lando. Sonst können sie in der Streik treten. Diese Genossen haben es schon geschafft, den «Kapital» durchzulesen. Каждый рабочий должен обедать с мясом, господин Ландо. Иначе они могут объявить забастовку. Эти товарищи уже успели прочитать «Капитал».

Поэтому всякий раз на столе пролетариев-авиастроителей появлялось что-то с говядиной, жареной или тушеной, с картофелем или горохом.

И лук, лук, очень много жареного лука.

Максим не боялся забастовок.

Зная местные нравы, он на каждый день заказывал у фермера ведро пива, половину которого мастера выпивали за обедом, а остальное после работы. Ландо ел вместе с рабочими, потом беседовал с Фридрихом.

Фермер казался существом загадочным, но Максим ему нравился, и он бывал словоохотлив. Поэтому за стаканчиком пива он часто пускался в рассказы о своей жизни.

Он был неудачлив в любви, несмотря на наружность достаточно привлекательную и общительный характер.

В гимназические годы Фридрих связался с кухаркой. Она, на излете климакса обожала его, как последнее эротическое сновидение. Пичкала черносливом с медом и дроблеными грецкими орехами для надежности мужских сил.

Затем, в Австрии, где стояла их кавалерийская часть, он пал жертвою ветеринарки, жены коменданта гарнизона. Она впервые подарила Фридриху минет как жертвоприношение.

И, наконец, в Мюнхене раз в неделю сама собой являлась к нему ночевать фрейлейн Гретхен.

Он уже не мог вспомнить, как они познакомились. Кажется, она в его жизни была всегда.

Он путал ее лицо с лицом няни, подававшей в детстве ночной горшок с незабудкой на крышке. И с лицом учительницы латыни в гимназии. А также с лицами всех кассирш, белошвеек, собирательниц тряпья и вышивальщиц гладью, торговавших верхними подушками *kleine Kissen* – для крепкого сна.

Она домогалась Фридриха год или два, дарила ему idiotские подарки, вроде шкатулки для табака, который он не нюхал. Она поила его наливкой, которую воровала у отца, пекла пирожки с курагою. Короче, брала его долгою осадой, как вражескую крепость. И придя однажды с чемоданом и плюшевым медведем под мышкой, уже никуда не ушла.

Они купили домик с землей по ту сторону летного поля, бывшего выпасного луга для княжеских коз и коров.

– Вы только взгляните, Максим, – негромко говорил Фридрих, кивая в сторону супруги. – Она двигается, как гусыня, откормленная к Рождеству. Я думаю, что наказан ею за грехи юности.

Гретхен оборачивалась покорной спиной, как жирная ослица.

– Возможно, вы преувеличиваете, – осторожно замечал Ландо. Он едва сдерживался, чтобы не улыбнуться. – Ведь в итоге с нами остается та женщина, которую мы заслуживаем. Впрочем, это общее место.

– Ах, Ландо! Как дивно, что вы ничего не знаете про дни унылого труда на картофельном поле рядом с моей Гретхен. Про обморочные ночи, когда не спишь и слушаешь собачий лай... Про сумеречные утра, когда она бьет мух и поет в такт тевтонские песни ненависти... Чтобы вам, как авиатору, показалось ближе, я бы сравнил ее с перегруженным «Фоккером».

Фридрих склонял голову в печали, а Ландо представлял себе фрау Гретхен в виде надувного аэроплана: вот она разбегается, подпрыгивает и, расставив руки, гордо стартует в небеса.

Тактично пропустив «Фоккер» мимо ушей, Максим пытался спасти беседу.

– Но как же вкусна у вашей супруги запеканка, называемая, кажется, «Himmel und Erde»! «Небеса и земля»! Не правда ли затейливо? Тает во рту! Готов поспорить, что это блюдо она посвятила именно вам.

Фридрих казался неутешным.

– Мне? Да разве истинный баварец в состоянии выдержать мешанину из картофеля, яблок и кровяной колбасы? Это вестфальцы придумали. Пусть сами и едят. Она, наверное, в их поваренной книге подсмотрела.

– Не может быть!

– Еще как может! А знаете, что у нее написано на фартуке? Вы не поверите! Теперь-то ничего не видно, я заставил перелицевать. Она вышла гладью: «Wenn die Küche nicht mehr raucht, wird die Liebe kalt». «Если кухня не дымится, любовь холодна». Как вам это?

– Странно. – Ландо шумно вздохнул. – А мне вот хочется, чтобы за мной поухаживали. – Перед глазами Максима возникло лицо Тани.

Фермер задумался, ища подходящее сравнение, но ничего оригинального не нашел, а поэтому сказал:

– Я тоже не могу забыть вашу Лорелей.

Странно, что Максим так же называл ее, когда они с женой шутливо переходили на немецкий.

Хотя ничего более нелепого, чем златокудрую Lorelei с браунингом наперевес, трудно представить.

А без браунинга?

Максим вспомнил, как, выйдя из швейцарской тюрьмы, Таня поклялась, что покончила с террором.

Она пыталась устроить их быт в духе лучших помещичьих традиций.

Она листала питерский «Журнал красивой жизни». Стараясь жить по моде, тащила его в Мюнхен – покупать какие-то шкатулки, отделанные жемчугом, каминные часы с бронзовыми амурами, настенные серванты и горки в стиле рококо.

Она скупала рисунки Кандинского и Маке, модных художников из общества «Синий всадник». Она угощала немцев сибирскими пельменями, которые они называли «ravioli», под контрабандную «Смирновскую».

А потом, оставив мужчин пить кофей, принималась за вязанье бесконечного шарфа.

Таня нравилась Фридриху. Он вздыхал.

– Женщины, подобные вашей Тане, встречаются или в романах, или никогда. – Он боязливо оглядывался на тучную жену, которая управилась с посудой, и теперь вытирала руки о передник, бросая взоры в его сторону. – Послушайте, Максим, научите меня летать на орнитоптере. Если я хоть раз взлечу, значит, буду считать, что жил не зря. Это же мука, столько лет смотреть, как летают другие! Надо просто подняться в небо, и все станет оправдано и справедливо.

Станет ли? Максим сомневался, глядя издали наблюдая, как немец садится на облучок. Он представил его в пилотском кресле. Х-м-м.

Он смотрел вслед этим вечным супругам, как смотрят на несбывшуюся жизнь. Повозка удалялась по краю летного поля, над которым уже кружился пух отцветающей травы.

Глава 14. РАССОЛ ДЛЯ БОМБИСТА

Российская Империя, Москва 5 февраля 1905 год

У Ивана Платоновича еще один день в Москве прошел впустую.

Под впечатлением совершенного им же убийства и собственного ареста он люто напился с извозчиками.

В душе он тоже считал себя извозчиком.

Готовясь к покушению на великого князя, он так сжился с этой ролью, что стал забывать о революции и терроре. Вот как!

Боевая Организация заставила его заняться извозом еще в 1904 году, для чего выправили фальшивый паспорт на имя крестьянина Осипа Ковалья.

Так что извозчики, которых он повел угощать в трактир, пошли с удовольствием. Они не знали Каляева. Они знали Осипа – при этом, как человека тихого, но знающего себе цену. Перед дворниками не заискивал. О жизни своей говорил кратко и убедительно. Рассказывал, будто до извоза служил лакеем в гостинице. Среди извозчиков Осип Коваль считался хотя и скупым, но набожным и непрестанно жаловался на убытки. Многие относили его невезучесть за счет недалекости и даже некоторой тупости, но уважали за трудолюбие. И на извозчицьем дворе Коваль сам ухаживал за лошадей, мыл сани с мылом, выезжал за клиентами первым и возвращался последним.

И вдруг «среди шумного бала» в кабаке Осип объявляет, бросает извозчицье дело, продает лошадей с санями. Никто не знал, что ему пора в Харьков – сменить документы и легализоваться.

– Идемте к Тестову, мужики, за мой счет!

– Ну, в трактир так в трактир, – согласились мужики.

Каляев угощал непривычно щедро. Да еще читал свои стихи, длинные, как курьерский поезд.

Извозчики внимали, повинувшись природному такту. При этом не забывали украшать кренделя произвольными горками икры, жевали расстегаи.

Каляев, досадуя, твердил, что за счастье народное радеет. А они, мужичье извозное – совсем никакой не народ, но лишь прихвостни прикормленные. Возразить поэту мужичье извозное не могло по причине набитых ртов.

Половой возникал у столиков, как факир. Вся его поза его выражала нетерпение вблизи нового заказа.

Коваль, – то есть, Иван Платонович, – приподнимался, нависал над скатертью, бранился, говоря, что они не понимают в поэзии ни черта. Что перед ними, может быть, второй Некрасов, и они пожалеют. Затем, распорядился о финальной четверти можжевелевой, и половой полетел.

Выпив еще пару соток, хозяин торжества разрыдался, называя извозчиков братьями по классу. И вдруг открылось, что никакой он не Осип. Никакой не Коваль. А как есть Иван Платонов Каляев, тот самый, что князя взорвал.

Извозчики сначала замерли, но затем расхохотались, сочтя шутку удачной. Они, признаться, тоже никакой симпатии к его высочеству не испытывали. Но все-таки, не дождавшись самовара с пирогами, стали расходиться.

Еще некоторое время ушло у Ивана Платоновича на препирание с городовым, которого он, выходя из трактира, задел локтем и обозвал барбосом вонючим.

Городовой сделал над собой усилие, чтобы пропустить «барбоса», и мирно заметил:

– Вы, господин хороший, ведете себя непотребно. Вы деликатности данного момента не соответствуете. Не слыхали разве? Нынче траур по Москве. Великого князя забили! А вы!

– Ха! – беспечно рявкнул Каляев. – Не поверите ли, что я и есть тот самый злодей? Конкретно, я и разнес бомбою мучителя народного. И можете тотчас меня арестовать. Вот только попробуйте, а?! Посмеете ли? Давайте! Вот он я!

Тут городской совсем расстроился и не стал этого скрывать.

– Ради Христа, мил человек, что вы такое говорите? Ступали б лучше домой. Преступник давно в Бутырках. Вас, небось, жена ждет, а вы пьяны совершенно. Вспомните хотя бы, где живете, я насчет саней распорядюсь. Ехайте. Коли деньги не при вас, хотя бы и в долг ехайте, я поручусь.

Каляев сначала обмяк, съежился от неадекватной любезности. Затем побагровел лицом, привстал на цыпочки, и, дыша перегаром в лицо городскому, проговорил хрипло:

– Сани, говоришь? Да будь со мной теперь наган, я бы тебя, сволочь жандармская, на месте пристрелил!

На этом терпение стража порядка закончилось. Тяжко вздохнув, он потянулся к эфесу и пожелал немедленно отвести обидчика в околоток.

Каляев испугался, попросил спрятать селедку, и стал откупаться серебряными николаевскими.

А уж как попал в гостиницу, и что дальше, почти не помнил.

Все осталось в тумане.

Между тем, прежде гостиницы и тумана, зашел он в публичный дом на Ордынке. Там выбрал девку цыганистого вида и выше себя ростом. В номер идти с нею отказался из боязни быть покусанным клопами. Орал насчет чистых простыней и хорошего шампанского – именно из Нового Света, от графских подвалов. Да если не Новый Свет, то хоть бы уж клико ничтожных французишек, а не сомнительное пойло.

Будучи человеком крепким и здоровым от природы, Иван Платонович, проснулся наутро одетым и при штиблетах, на казенной постели, в обнимку с девкой, пахнущей кремами. Он тотчас прогнал ее, сунув три рубля. Потом, замерев, лежал в ванне, стараясь припомнить обстоятельства теперь уже условного 4 февраля.

И понял: чем скорее забудет, тем и лучше.

Ах, время! Нет у тебя даже подходящего рода, чтобы назвать по-русски – батюшкой ли, матушкой!

И части тела великого князя, и контуженный Янек у здания суда, и жандармы, и сыщики... И даже попойка в трактире, включая обидно не использованную девку, – все это уже детали истории.

Похмелился Каляев рассолом за полушку символическую, – ядрёного всякому страждущему наливали, – и поехал в столицу собирать летучий отряд.

Глава 15. КОРРЕКТИРОВЩИКИ

Российская Империя, Санкт-Петербург, февраль 1905 года

Первым в конспиративной квартире на Васильевском острове появился бесстрашный ловец провокаторов Бурцев с корректурой очередной брошюры под мышкой. Борис Львович снял калоши, тертое пальто на ватине. И спросил строго: зачем вызвали его из-за границы?

За ним пришла боевичка Зина Коноплянникова, застегнутая наглухо, как курсистка.

Следом – сияющая и радостная, в приталенном пальто с кротовым воротником, при кротовой же муфте и с бутоньеркой на шляпе, – эсерка Татьяна Леонтьева.

К раннему вечеру из недалекого 1911 года притаранили убийцу Столыпина Дмитрия Богрова. Он, не понимая, куда попал, подбрасывал браунинг на ковбойский манер.

Последним Каляев привел человека в форме жандармского офицера со связанными руками и кляпом во рту, в котором эсеры тут же опознали врага, полковника Зубатова.

– А этот друг Гапона здесь зачем?

– Этот к чему?!

Сергей Васильевич мотал головой, мычал, вращал глазами. Он боялся, что господа социалисты отомстят ему за уход его из рабочего движения. Три года – и начальник Особого отдела Департамента полиции. Ух! И вид у Зубатова был удручающий: китель с оторванными погонами, грязные ботинки, кальсоны. Галифе с помочами остались у Каляева в свертке.

Каляев искал полковника весь день. А застал в замоскворецкой квартире с нетопленной печью, лоснящимися обоями из чайных роз, при давно отпущенной прислуге, в окружении голых барышень, наливок, и с гитарой.

Бурцев сказал, что мстить Зубатову за двуличность поздно. К тому же он и сам обижен властью. Был сослан в Муром, да теперь, кажется, прощен, и получает пенсия.

Таким образом, обидный кляп из полковника был вынут, руки развязаны.

– Я, господа, не друг Гапона, – сразу же молвил Зубатов, отдышавшись, глухо и нестрого. – А в феврале 1917 года, узнав об отречении Николая II от престола, Сергей Васильевич вышел в соседнюю комнату и застрелился.

— Но не понимаю, зачем меня сюда привел Каляев. И что за Каляев? Если убийца, то он нынче в Шлиссельбурге и вот-вот будет повешен за бомбу против князя.

Господа социалисты и сами этот вопрос мысленно себе задавали.

Каляев доказывал горячо, что из тюрьмы он не убежал. Не имел права дать свершиться такому позору. А вытащил его оттуда ли не силком некто Ландо. Личность темная, загадочная, но могущественная. Так что, пусть они не волнуются. Убийца сидит в камере, ест недурную еду, ждет казни. А он – двойник, матрица, иная сущность того человека.

Тут всем захотелось осмотреть Ивана Платоновича, как новобранца перед Манчжурией. Заставили униженно показать язык, трогали за руки – теплы ли? Попросили при девушках раздеться до исподнего — вот уж срам-то! – присесть. Ощупывали волосенки на голове на предмет рогов. Зубатов, надевший галифе поверх кальсон, злорадно подносил крест. Богров предложил вены надрезать, посмотреть, пойдет ли кровь, и красна ли.

Убедившись, что в материальность его террористы поверили, Иван Платонович перешел к постановке боевой задачи.

Но при виде синхронизаторов – впрочем, другой реакции он не ожидал! – Каляева подняли на смех, обвинили в чертовщине, пригрозили обсуждением в ЦК. И так уж после Азефа Боевую организацию обвиняют в отрыве от генеральной линии: то не того убьют, то не там, то не вовремя.

Некоторые советовали Каляеву подлечиться, помня про его усердное богоискательство, страстишку кропать по ночам стихи, что не имеет никакого отношения к террору.

Каляев надел им на шею золотые кулоны, и все перенесли на Ходынское поле, на коронацию Романова, в 1886 год. Там они поели праздничных калачей, наслушались маршей, выпили бесплатной мадеры. Да еще успели уйти за минуты до знаменитой давки.

Вернувшись с Ходынки, помрачнел умный Бурцев. Он сказал, что в душе подозревал о существовании такой техники. И теперь придется пересмотреть всю методику борьбы. Зубатов расхохотался на нервной почве: слишком много впечатления оказалось для одного дня. Демонически возрадовался Богров, начавший палить из браунинга в потолок. И только Зинаида с Татьяною, взявшись за руки, пустились танцевать, осыпаемые осколками штукатурки.

Глава 16. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Российская Империя, крепость Шлиссельбург, 1905 год.

Первым на крепостной вал прибыл Максим. До встречи с отрядом оставалась минута, и он окинул взглядом тюремный двор. Там происходили последние приготовления к казни. Закрытый ритуал повешения собрал не только представителей сословий, администрации тюрьмы, но пришли также солдаты, и все свободные от службы унтер-офицеры.

Точно в срок на гребне вала, почти одновременно возникли пять фигур: четыре мужских и две женских.

Максим облегченно вздохнул.

Каляев представлял людей, а Максим поочередно пожимал им руки.

Когда Леонтьева протянула свою ладошку, у Ландо кольнуло сердце. Он едва сдержался, чтобы не обнять Таню.

И вдруг террористка, взглянув на Максима, спросила:

– Мы раньше не встречались? Не вы ли утверждали на вечере у Ветчинкина, как хороши костромские сливки для кофей? Ах, нет! Возможно, это были не вы.

Это был, конечно, он. Но это к чему, это зачем? Не было еще вечеринки у Ветчинкина на Морской. Откуда она взяла? Выдумала? Что это с ней? Не предлагал он в 1905-м выпускнице Смольного кофей. Не утверждал, что похожа на Lorelei. Не производил и другие les compliments относительно летящей грации. Осинной талии ее, обязанной во многом жестокому корсету. Изящных лодыжек и тонких запястий. Как у Кшесинской в «Спящей красавице», когда она в первом акте являлась публике в роли Кандид, во втором – маркизой. В третьем, к восторгу царской семьи, танцевала с Волком в образе Красной Шапочки. Еще не метался он под дождем в поисках коляски, не переплачивал извозчику двугривенный!

Каляев бросился спасать положение.

– Ах, Таня, ну, Таня... Даже в такой момент не можете удержаться от кокетства. Я же объяснял: Максим Павлович прибыл из другого времени.

– Да, да, конечно, из другого, – рассеянно пролепетала Леонтьева. – Никак не могу привыкнуть. Мы же теперь маски, извините.

Остальные террористы уставились в сторону тюремных ворот, ждали узника.

Максим много читал о казни Каляева и в русских, и в немецких газетах, поэтому знал, что никакого чуда не произойдет.

Вот фигурка узника взобралась на эшафот твердо и уверенно, безо всякой помощи.

– Что же дальше будет? – тихо спросил Каляев у Ландо.

– Неужели вам интересно? – с деланным равнодушием вмешался жандармский полковник. – Я думаю, нам не стоит ждать аутодафе. Свою казнь я-то уж точно смотреть бы не стал.

– И не глядите! Не вас же буду вешать! – капризно твердил Каляев. – А я хочу смотреть, хочу!

– Видите священник? – спросил Ландо. – Он поднесет крест, но вы не станете его целовать.

– Правильно! Какой в этом смысл? – убежденно проговорил Каляев. – Имеют ли отношение мракобесы к Богу? Целование креста на эшафоте – разве не лицемерие? Счастье заключается в другом: умереть за свободную Россию.

Бурцев покачал головой.

Женщины переглянулись.

– Господин Ландо, – спросила Коноплянникова, пока внизу бубнили приговор, – нас тоже когда-нибудь убьют?

– Отставьте, Зиночка, – цинично заметил Зубатов. – Неужели, связав судьбу с террором, думаете, что вас наградят орденом Святой Великомученицы Екатерины? Ведь вам объяснили: нынче не имеет никакого значения, казнили ли вас уже или только собираются. Покончу я собой в семнадцатом, узнав, что государь отрекся, или меня растерзают революционные студенты.

– А вон и Филиппов пожаловал, – прокомментировал Бурцев, указав рукой в сторону виселицы.

– Булочник? – Леонтьева неуместно хихикнула. – Обожаю его калачи.

Моя Таня так бы не шутила, подумал Максим. Значит, точно не моя. Иное трансцендентальное воплощение. Совсем не та Таня!

Бурцев мрачно покосился на террористку.

– Это не булочник, это знаменитый палач. – И, обратившись к остальным, произнес громко: – Я думаю, господа, что у страны есть будущее, если в ней вакансии палачей свободны. Только такие нелюди, как Филиппов, и могли согласиться на казнь революционера!

– А вы лирик, Владимир Львович, – возразил Каляев. – Вы уверены, что в будущем мы не встретим целую толпу палачей?

– А вы пессимист, Янек, – заметил Зубатов Каляеву. – Вдруг будет, как предсказывали Маркс и Каутский?

– Полно, господа! – сказала Коноплянникова. – Там человека убивают. А вы!

– Вот именно, – цинично вставил Богров. – Сейчас вы скажете нечто героическое. Что-нибудь о свободе, о счастье народа.

– А когда тебя, сука, в Киеве арестовали, ты как себя вел? – не выдержал Каляев. – Небось, в штаны наклал? Скажи спасибо, что я тебя снял с виселицы!

– Ложь! – взвизгнул Богров. – Я держался твердо!

Бог ты мой! Ландо мысленно ужаснулся. Дискуссия висельников!

– Успокойтесь, наконец, не нужно ссориться, – сказал он. – Все произойдет, как предначертано.

Тут корректировщики увидели, как узник поднял голову, обвел взглядом зрителей, и до крепостного вала с помоста донеслись последние слова его:

– Я совершенно покончил с жизнью и приготовился к смерти.

Узник что-то еще говорил Филиппову, словно торопя его.

Раздалась барабанная дробь.

Палач набросил веревку на шею осужденного и оттолкнул ногой табурет.

Слабонервные зрители на крепостном валу отвернулись.

– Пойдемте, – сказал Ландо, – все кончено. И вас, Иван Платонович, уж извините, теперь неизбежно закопают между этим валом и Королевской башней. Малоприятное зрелище.

Они пошли, скользя по мокрой глине. Мужчины помогали женщинам, которые приподнимали подола платьев, чтобы не испачкаться. Каляев нервно курил уже вторую папиросу, зажав ее в кулаке.

– Янек, – сказал Ландо. – Возьмите себя в руки и начинайте инсталляцию.

– Ландо, вы с нами? – спросил Зубатов.

– К сожалению, нет, – сказал Максим, – у меня тут остались дела. Увидимся. – Он обвел взглядом притихший отряд. – Ну, с Богом!.. Три, два, один, ноль!..

Террористы синхронно нажали кнопки синхронизаторов и растворились в воздухе.

В тюремном дворе доктор проверял зрачки повешенного.

Некоторые солдаты вставляли на цыпочки и следили за манипуляциями врача, будто террорист мог ожить.

Несмотря на предрассветный час, душно было в майском Шлиссельбурге.

Потом над крепостью пошел черный дождь.

Глава 17. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Российская Федерация, Москва, наши дни

Сторож котельной – той самой, из-за которой разгорелся сыр-бор, а владельца превратили в крысу – с детства избегал думать о нехорошем. Он страдал от интуиции. Другим ничего. А ему стоило подумать о дурном событии, оно сразу же и случалось. Про таких людей говорят, что у них дурной глаз. Их избегают и боятся.

Егору Гнедому это качество от матери досталось, а матери – от бабки.

Скажите, не бывает такого? Еще как бывает!

Однажды на рыбалке. Поплавок нырнул резко, – так берет большая рыба! – и Егор сказал сам себе: сазан наживу заглотнул. Попался. Семь кило, не меньше. Вот теперь же подсеку, но до берега не дотащу, сорвется. И ведь сорвался! Оборвал, сволочь пузатая, лесу, да ушел на свободу дальнейшего плавания!

В другой раз по малину собрался, лукошко приготовил, сапоги надел. А с утра сверлило: вот выйду по малину-то, и непременно косолапого встречу. Может, не идти? А все ж пошел. Не успел полкорзины набрать – в кустах медведь. Едва ноги унес.

И сейчас в котельной чувствовал: что-то должно произойти. Он совсем не желает, противно даже думать. Но облако невезения уже нависло над вещественным миром, задержались шатуны злободейные.

Котлы гудели ровно, приборы не шалили, но у Егора сосало под ложечкой, ноздри раздувались, пятки угольями жгло. А лицо сделалось пунцовым, как знамя. Не мог он избавиться от предчувствий.

И что же? Заметил в проеме угольного склада мелькание теней.

Оно-то бы и ладно, что тени, возможно, от окошка. Там ничего нет, кроме кучи антрацита, да тачки с лопатой... Это же не работа, а морока одна! К черту котельную, к черту лживого Корсунского, к черту совместительство! За свои же копейки все нервы изведешь!

Однако в следующее мгновение сторож замер.

Первым, щелкая шпорами по бетону, промаршировал мимо него рыжеусый офицер в фуражке набекрень, в потертом кителе при серых от пыли аксельбантах, в галифе и перепачканных глиною сапогах.

Вторым, – шаркая стоптанными каблуками, – объявился чувак при саквояже, похожий на земского учителя.

За ним, цокая подковками, вышагивал другой: блондинистый, худощавый, в твидовом до пят пальто и сером котелке, надвинутом на лоб, так что глаз его Егор не разглядел. Он вел по руку молодую даму, выше себя ростом, которая ступала не по-женски широко.

Едва они поднялись по лестнице, и вышли из котельной, как обнаружился еще один – чернявый юноша, то ли грузин, то ли узбек, в общем, похожий на валета пик, во фраке с оторванным рукавом. Его сторож принял за студента. Студент просверлил помещение глазами, как бы давая понять, что не понимает, как он мог оказаться среди этих труб, насосов и вентиляций.

Не успел Егор отойти, как из угольного склада выпорхнула дама, молоденькая, лет двадцати, вся в кротовом меху. Из-под шляпы выглядывали собранные в пучок волосы. Лицо красивое, кареглазое, дерзкое, породистое. И если б не изысканный и странный наряд, Егор мог бы поспорить, что гостя поразительно похожа лицом на знакомую бомжиху.

К вечеру, обдумывая эти дикости, Егор так напился, что к нему снова пришла ехидна.

Но, во-первых, это не наше дело, а во-вторых, здесь не место данным подробностям.

Глава 18. ИНВЕТОР ПРИБЫЛ

Германская Империя, предместье Мюнхена, 1911 год

Что касается штабс-капитана Ландо, то он вернулся из Шлиссельбурга с чувством выполненного долга. Отряд корректировщиков уже в будущем и адаптируется.

Он хотел привычно отправиться в ангар, но заметил, что на дороге, огибающей летное поле, показалось авто, поднимающее клубы пыли. Ошибиться он не мог: конечно, это был «Форд» Савинкова.

Руководителя Боевой Организации партии эсеров удивляло, с какой любовью рассказывал ему Ландо о самолете. И относился к нему как к живому существу. Корпус он называл телом, крылья – руками, а мотор – сердцем. О двигателях «Антуанет»: нет у них души, железные истуканы.

Савинков едва убедил ЦК, что не позже конца лета воздушная акция против царя станет возможна. Он привез еще десять тысяч немецких марок. Если уж дело с аэропланом затягивается, не лучше ли купить автомобили для метальщиков бомб? Или взрывчатку. Русский динамит ненадежен, приходится возить из Европы.

– Мой друг Каляев тоже слыл романтиком, пока его не повесили. Организация почти разгромлена, а вы тут одухотворяете железки, – ворчал террорист, выкладывая перед штабс-капитаном бандерольки, туго перевязанные шпагатом.

Максим распаковал одну.

Купюры были мелкие, будто собранные на паперти. К ним Савинков присовокупил также столбики монет, завернутые в пергамент.

– Поскольку деньги партии, – сказал Савинков, – то конкретно, когда будет готов аэроплан? – Очень строго спросил, по-военному, как фельдфебель-прусак рядового необученного.

Ландо провел пальцем по купюрам.

– Через месяц испытания. Вылетать можно в начале сентября.

Савинков скрестил руки на груди и зажмурился от удовольствия.

– Великолепно!

– Я завтра же оповещу рабочих, – добавил Ландо. – Зарплата приехала, обрадуются, прибегут как миленькие. Кормить их будет Фридрих.

– И не жалеите денег, – сказал Савинков. – Если нужно, найдем еще.

Террорист настолько воодушевился, что не удержался, стукнул кулаком по фюзеляжу, едва не проломив обшивку, задержал ниточкой усов и демонически запел «Оду радости» по-французски.

Когда они выбрались из ангара, день разгорелся.

В вышине пели неизвестные птицы, наверное, жаворонки, и пахло сеном.

Предыдущий разговор о деньгах и заказе обоим казался досадной необходимостью, которая, наконец, миновала. Ландо уселся на траву, прислонившись к стенке, пахнувшей жарой и охрой. Савинков замер, скрестив руки на груди, как Наполеон.

Отсюда почти до горизонта простиралось аэродромное поле, открытое ветрам, и зною, и баварской зиме с ее туманами и изморосями.

В непогоду поле делалось бурым, небо нависало низко, и, казалось, вот-вот появятся крестonosцы с гортанными криками перед походом на Иерусалим.

Но вообще-то пейзаж казался Савинкову унизительно чужим.

Ему казалась чужой рано выцветшая трава. Хотя она тоже наполнена жуками, муравьями и другими тварями. Как в России. В сырую погоду дождевые черви также выползают проверить, не погас ли божий свет.

Но как далеко до ростовской степи!

Год назад его друзья-казаки снарядили лошадей, и они поскакали. День ехали, а степь все не кончалась. Спешились, чтобы пропустить по стаканчику, снова поскакали, а степи все не было конца. На третьем или четвертом привале казаки напились, стали твердить его благородию о земле да воле, о Пугачеве с Разиным.

А еще говорят, что русская бескрайность вызывает жажду свободы. Ничего подобного. Ощущение, что земли много, толкает лишь к одному: – к бунту и уголовщине.

Савинков прислушался, и понял, чего ему не хватает, – именно стрекотания кузнечиков.

От этого стрекотания Борису Викторовичу становилось печально, и сердце сжималось от неизбежности судьбы.

Пресвятой батяня Николай! Уж и стрекотание стало знаком родины. Тема для господ почвенников: русское поле и национальный характер.

А у немцев что? Куда ни ступи, упрешься в шлагбаум и услышишь «хальт». Желание прополоть и вылизать любую клумбу, оставить подоконники цветочными горшками рождает шашечный порядок в головах, психологию газонокосильщиков, киоскеров, разносчиков молока, кондукторов, готовых карать за отсутствие билета смертной казнью.

Нет, ему вовеки не понять эту, без единого бугорка, поверхность: бильярдный стол. И утрамбованную паровыми катками дорогу вдоль аэродрома. И ровные ряды лип по обеим ее сторонам. И вымощенные камнем канавы, благодаря чему и в распутицу сухо. И, вообще, весь этот санитарный ордунг, завидный, непостижимый, но почему-то отвратительный русской душе.

К черту немцев! К черту слабовольных кадетов и сумасшедших эсдеков с их социализмом от Моисеевых заветов! Скоро отсюда взлетит чудо-аэроплан гениального Ландо, чтобы навсегда покончить с самодержавием. Россия вздохнет, придумает себе Конституцию и заживет в благоденствии. Историческое событие. Очевидно, следует увековечить бомбометание, продумать фигуры на постаменте.

Ландо молчал, потому что в этот момент ему хотелось забить косяка. У него щекотало внутри. Он даже привычно похлопал рукой по карману, в котором носил кисет с анашой.

– О чем вы думаете? – спросил Савинков, жуя травинку.

– О вечности, – отвечал Ландо, любясь искренностью своих слов.

Он считал, что искренность – это проявление силы, а в силе заключается свобода.

Однако Савинков, не сдержавшись, усмехнулся.

– И что же такое, по-вашему, вечность?

– Это каждый следующий миг настоящего, – с готовностью ответил Ландо. – Вечность внутри нас. И она, по-моему, совсем не ледяная, будто зимняя ночь, как рисует ее Кант. Совсем не такая вечность.

– Какая же она, по-вашему? – заинтересовался Савинков.

– Теплая и глубокая.

– Вязкое болото, да?

– Нет, нет! Разве в болоте может жить Господь?

– Я и не говорил, что Бог обитает на болоте, – Савинков выплюнул травинку, обидевшись.

– А я вас в этом и не упрекаю, – миролюбиво возразил Ландо, отстранившись от ангара, так как у него вспотела спина.

Не стовариваясь, они отправились к Фрегату, уселись под навесом в ободранные плетеные кресла с подушечками, которые Татьяна расшила павлинами с помощью мулине.

В этот момент у Ландо снова защекотало внутри.

– А почему вы, Борис Викторович, слова доброго не скажете о моем огороде? – спросил он вдруг. И заговорил о злаках, которые «разрослись необычайно». – Не угодно ли вам, сударь, отгадать, что это за растения, и какая от них польза человеку?

Террорист подошел к грядкам, склонился над ближайшим кустиком, дотронулся до листьев, похвалил, что отлично развиваются, и видеть, не обошлось без удобрения.

А уж дальше пустился в речи насчет того, что «жизнь бывает похожа на сплошной навоз», но и среди него встречаются драгоценные камушки. И какие еще бриллианты! Карточные удачи, поездки зайцем из Парижа в Ниццу! Не говоря уже о романе с юной Л. И упоительных днях, проведенных с нею в мансарде над Пречистинскими Воротами.

– Я тоже начинал с марихуаны, сударь. Должен вам заметить, что она действует на меня странно. Вместо мыслей о практическом терроре я перехожу к философии тотального альтруизма.

– Так не забить ли нам косую?

Савинков поморщился.

– Косую, как вы изволили выразиться, забивают грузчики в Кейптауне. Цивилизованные люди ловят удовольствия неторопливо и благородно, по всем правилам тонкого мира.

С этими словами он подошел к кабриолету, который для него, наверное, олицетворял тонкий мир, щелкнул замками чемодана, извлек коробку красного дерева при золотом замочке.

В коробке оказался кальян.

– Ой, что это?! – притворно воскликнул Ландо.

– Подарок для вас, – сказал террорист. – Считайте авансом за птицу мести.

– Но помилуйте, Борис Викторович! – сказал Ландо, принимая прибор и рассматривая его со всех сторон. Ему захотелось подпрыгнуть от восторга, но он удержал себя. – Это уж слишком дорогая вещь, вы меня смущаете необычайно.

Изящный персидский кальян, обшитый сафьяном, отделанный золотом и червленым серебром, был великолепен.

Верхнюю чашечку, синей эмали, Савинков наполнил кусками гашиша, яблочными, апельсиновыми и мандариновыми цукатами, – их он доставал из торбочек миниатюрными щипцами. Добавил смесь ароматических трав и щепоть молотого речного жемчуга. Вместо дубового угля эсер положил пластинку высушенного верблюжьего навоза, который, по его мнению, в отличие от дерева, тлеет медленнее и равномернее. Хрустальную колбу Савинков заполнил не водой, —объяснив попутно, что так поступают разве что арабы в грязных курильнях Каира, – а красным вином. И, когда приготовления были завершены, террорист возжег пластинку, отчего над кальяном возник загадочный дымок.

– Забудьте о косяках, дорогой Ландо, – интимно изрек он. – Забирайтесь на дерево великого кайфа жизни. И наслаждайтесь, мой друг!

Штабс-капитан затянулся, и у него сразу же закружилась голова.

– Вы еще здесь? – заботливо осведомился Савинков, наблюдая, как веки изобретателя медленно опускаются, и по зрачкам стелется туман. – Или в гостях у Мурада IV? Ах, как же султан любил кальян! Он его боготворил.

Затяжка – пауза.

А эсер все говорил и говорил. О том, что Мурад IV пользовался шишей. И дескать, некоторые думают, что шиша это и есть гашиш. Ошибаются. Речь идет о смеси иранского табака с густым сахарным сиропом. Табак дает вкус, а сироп – спокойное течение реки мыслей.

Кстати, при отсутствии последних кальян, вообще, противопоказан.

– Но не беспокойтесь, я, конечно же, не о вас. Вы, мой любознательный друг, должны нынче пребывать на высокой стадии просветления. Ответьте же, если еще не уехали, как чувствуете себя? Не хочется ли вам уже радостно обнять всякого встречного и сказать ему саллям алейкум?

Максим слышал Савинкова, но воспринимал его речь, как цепочку сколь эффектных, столь же и бессмысленных фраз. И пока еще мог, заметил, как эсер свернул из хрустящей, как мартовский ледок, банкноты трубку, и втянул ноздрею порошок из портсигара.

Кокаин, догадался Ландо. После чего оказался не в состоянии контролировать ситуацию. Он оторвался от кальяна и стал подниматься в небеса. Туда, где голубизна переходит в синеву, а затем в вечную черноту.

В космической ночи почему-то совсем не было звезд.

Вместо них Ландо увидел разноцветные шары, похожие на бильiardные. Он стал ловить их и складывать в корзину для пикников, удивляясь их приветливому смыслу. Поймает и бросит. Поймает и бросит. Шары урчали в корзине, как котятa.

Очнувшись перед закатом, Ландо уже не докучал Савинкову философскими вопросами. Он предлагал то французского сыру, то немецкой вяленой говядины, то итальянской салями, за которыми то и дело бегал на кухню.

После отходняка – в виде чая с молоком по-индийски – Савинков спросил:

– У воздушного мстителя должно быть имя. Как мы его назовем?

– Хорошо бы в честь моей жены, – с готовностью предложил Максим. – Не возражаете? Но можно и в честь вас, скажем, «Борис».

– Нет, насчет вашей жены лучше! – сказал Савинков, ощущая дрожь то ли от остатков кокаина, то ли от прилива чувств. – Пусть Леонтьевой не удалось убить царя. Но даже после смерти она как бы взмлет в небеса, чтобы поразить тирана. Ах, как символично! Думаю, ЦК также не станет возражать.

Они вскочили и обнялись в патриотическом порыве: «Татьяна»!

Глава 19. МЫСЛИ ОДИНОКОГО ЗВЕРЯ

Российская Федерация, Москва, наши дни

Даже если б Корсунскому сказали, что дело не в мести обманутых вкладчиков... Что наказан он не злыми визитерами, а волей других грозных сил... Даже если бы понял, что устранен с пути... От этих знаний ему вряд ли стало бы легче.

Неволя есть неволя.

Но прижился Крыс у деда Кондратия. И, признаться, более безопасного места для опального существа трудно было подыскать.

Угол ему отвели в хлебнице, положили кусок одеяла и подушечку из ватина. Валялся Илья в этой постели, никем не тревожимый, задрал лапы вверх.

И еще одно важно. Никогда у Корсунского не было столько свободного времени. Поэтому он предавался мыслям широким и отвлеченным, каких люди в повседневной суете позволить себе не могут. Например, – обдумать судьбы мира, расположение планет, их загадочное влияние на млекопитающих, связь явлений природы.

Он жалел, что не мог описать свои приключения. Крысиные лапы к этому не приспособлены. А то закинул бы текст Ленке Шубиной, – как-никак, в одной школе учились, одноклассница не откажет! – а там смотришь, премия какая, и хоть частично покрыл убытки.

Думал над заголовком. Например: «Мысли одинокого зверя».

Тушенка – то с макаронными изделиями, то с гречкой, то с манной кашей – надоела Илье. Он капризничал, плакал, а однажды в глупой истерике плюнул в миску, что мытаря не столько обидело, сколько огорчило.

Он привязался к зверьку, разрешил называть себя дедушкой и старался угодить на тот случай, чтобы Крыс не разозлился и ухватил его за палец. А ведь крысы – разносчики такой заразы, что за жизнь не отмоешься!

Витаминов питомцу не хватало.

Глядя Крыса по спине, прочищая ему глаза и уши ваткой, надетой на спичку, дед Козлов обнаружил розоватые проплешины в районе шеи и хвоста. Если так дальше пойдет, несчастный зверь облысеет.

Мытарь шел на помойку, искал питомцу овощей, а себе нового яду.

Он бросал Илье надкусанные помидоры, вялую морковь, картофельные очистки, даже стебли алоэ, которые, по его мнению, укрепляли зубы.

А селедочные головы прятал, жадничая.

Ночью лез под кровать, чавкал до утра этими головами, не давая заснуть Крысу. Потом долго пил из-под крана ржавую воду, икал, всхлипывал и стонал из-за дикости одиночного существования.

И не было у него других мыслей, кроме одной: поскорее отправиться на тот свет.

Однажды он нашел отраву для тараканов и просроченную пачку стирального порошка, твердого как кирпич.

Из хлебницы торчали крысиные уши: Корсунский наблюдал за хозяином. Наевшись дряни, Кондратий лобызал Крыса в нос, бормотал насчет бесцельно прожитой жизни. Насчет завещания, по которому Крысу отходило пару ящиков давно просроченных консервов, подшивка «Правды» за 1952 год и патефон с пластинками Бунчикова.

Деньгам всех времен и народов, – и николаевским, и керенкам и советским червонцам, – что хранились в коробке из-под сгущенки, – Кондратий отводил особую роль. Он повелел употребить их на захоронение, а также на бронзовый бюст.

Ну, бюст, так бюст!

Спорили по поводу эпитафии.

Козлов считал, что текст, предлагаемый Крысом, – белиберда и без тени уважения к покойному. Что значит, например, «Он хотел многого»? Почему бы не выбить на камне простенько и без затей: «Козлову от Крыса Ильюхи. Спи спокойно, дедушка».

Старик перелил отраву из бутылки в ковшик, разбавил водой, настрогал стирального порошка, добавил сахарного песка, чтобы смягчить горечь, и стал нагревать. Скоро воздух сделался отвратительным, и Крыс заткнул нос лапой.

При появлении первых булчков, Кондратий выключил конфорку и выставил варево в форточку для охлаждения.

– Вы, дедушка, себя не жалеете, – заметил Корсунский, высунув голову из хлебницы и ежась от сквозняка. – Думаете, на этот раз получится?

– А хрен его знает! – отвечал Козлов, сложив губы трубочкой и дуя в ковшик, из которого через форточку во двор летели клочья ядовитых паров. – Постараемся. Вчера метрики в шкафу нашел. Глянул и обомлел. Мне же наемни сто пятьдесят стукнуло. Прикинь, Ильюха? Вот уж юбилей, дальше некуда.

Процедив смесь, он перекрестился, выпил и опустил на табурет осторожно, как на стульчак, и с отрешенным видом.

– Действует? – спросил крыс.

Козлов икнул.

– Вот оно, Ильюха, начинается. Скворчит в животе и кишки греет. Давай простимся, пока не поздно?

Он прилег, пристроил в ногах Крыса, сложил руки на груди, зажал в пальцах свечу и закрыл глаза.

Крыс перебрался на грудь самоубийцы и покачивался в такт с его дыханием. Отсюда Крысу были видны кустистая борода старика и две огромные ноздри, похожие на пещеры.

Крысу показалось, что Козлов перестал дышать, и у него ёкнуло сердце.

– Дедушка, вы умерли?

Козлов хрюкнул, дыхание возобновилось. Однако же из ноздрей мытаря, из беззубого рта, из ушей поползла пена, словно он проглотил огнетушитель.

– Это не ответ, – расстроено молвил Крыс.

Первый вал пены погасил свечу и стал грозно надвигаться на Корсунского. Крыс от страха скатился с постели умирающего, пролетел полметра и шмякнулся об пол.

Снизу картина пеноизвержения показалась ему еще страшнее. При каждом вздохе Козлова поток возрастал, и скоро накрыл хозяина с головой.

Увидев над собой желтую лавину, свисающую с одеяла, Корсунский отбежал к двери. И вовремя, поскольку карниз пены рухнул на пол и пополз, заполняя собою пространство. Подействовал стиральный порошок «Домашняя радость».

Тщетно Крыс, пытаясь спастись, карабкался по двери. Когти скользили по мокрому дереву, он срывался. Тем временем из густой массы высывались то рука, то нога самоубийцы. Он ворочался и стонал, делая себе лишь хуже.

Наконец, пена накрыла и Крыса.

Корсунский отчаянно сучил лапами, пытаясь создать над собою пространство, чтобы хоть не задохнуться сразу.

Божий свет проникал через пен, и Корсунский вспомнил, что такое уже было у него в пустыне Кара-Кум, на коллекторах орошения, где радушные туркмены пригласили посидеть внутри грота, за струями водопада, выпить и закусить шашлыком из запретной для мусульман свинятины. От ниспадающих потоков создавалась водяная пыль, было прохладно, хотелось пить от водки и счастья.

Но в мыльной пене он задыхался от вони из-за тараканьей отравы, смешанной с порошком и утробными соками старика.

Наконец, Крыс услышал хлопанье, пена раздвинулась, и в разломе показалось красное лицо Кондратия.

– Ильюха, ты жив?

От страха и беспомощности Корсунский забыл русский, а также английский, и запищал:

– Фьюить, фьюить!

Кондратий схватил зверька за шкурку, понес в ванну, прижал его уши пальцами и пустил воду.

Хотя это было в высшей степени унижительно, крыс не ерзал, не шевелил лапами, а лишь фыркал и пару раз чихнул. Дед вытер питомца, отнес в хлебницу и положил сушить под лампау. Сам же, матерясь и охая, принялся соскребать с пола грязную жижу, в которую превратилась осевшая пена, мыть дырявый линолеум.

При этом оба молчали. Крыс – из-за переживаний, что дед мог запросто увлечь его за собой в могилу. Кондратий – от досады, что снова не умер.

В гнетущей тишине раздался его голос:

– Слышь, Ильюха, может я особенный? Если этой дряни в суп накапать, целый полк отравиться может. А мне хоть бы хны. Даже живот не болит... Разве что прихмелел.

– Видать, отравка просроченная, потеряла силу, – предположил Крыс.

Дворник вздохнул.

– На этикетке написано, годности еще на месяц.

– Тогда вы, наверное, вампир, – дерзко заявил Крыс, которому надоело перманентное самоубийство старика. – Здесь одно поможет: голову долой и кол в сердце.

Кондратий расстроился. Он кое-как домыл полы, отжал зловонную тряпку, бросил в ведро, захлопал носом. На бельмообразных глазах блеснули слезы.

– Я же к тебе со всей душой, Крысюнушка! Встаю чуть свет, иду в мусорку витамины тебе искать! Обрезки колбасные, сыр костромской, просо, отруби диетические. А ты!.. Ты!..

Возможно, впервые Крыса проняло. В груди его будто раздвинулись скалы, и там замерцал огонек стыда. Он разгорался, озаряя крысиную душу сладким состраданием, чего Корсунский никогда не испытывал, потому что никого не жалел. Однако духи поганые не хотели отдавать Крысу ни этой пещеры между скал, ни огонька, поэтому он сказал:

– А вдруг, вы, дедушка, есть нечистая сила? Тогда как быть?

Козлов мрачно плюнул и промолчал.

– Ф-р-р-дю-у-у! Мух-мыр-лу-у! Чав-чав! – резюмировал Корсунский на крысячем языке.

Козлов не знал, что смерть его долгожданная, смерть-матушка, смерть-избавительница задерживается не случайно, а в связи с другими событиями. Весьма, впрочем, отдаленными. Но теми, что уже внесли изменения в пространственно-временной континуум.

И вам тоже бесполезно спрашивать автора: какая связь между заточением крыса и тем фактом, что за восемьдесят девять лет до этого террорист Савинков привез на немецкий аэродром бомбу для русского царя? Автор все равно пока не ответит. Мало ли, кто кому что привез?

Хотя не вредно заметить, что Козлову в 1911 году, – о чем пойдет речь в следующей главе, – было уже за шестьдесят. Служил он грузчиком в бакалейной лавке, ненавидел революционеров, повязался с «Черной сотней». По воскресеньям надевал рубаху, шел в церковь, оттуда – евреям стекла бить, дальше в трактир. Мечтал удалиться в губернскую глухомань, землицы подкупить, обзавестись домашней скотиной.

Перед семнадцатым годом – и удалился, и подкупил, и обзавелся.

Хотя все по-другому вышло.

Глава 20. ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Германская Империя, предместье Мюнхена, 1911 год

Бомбу Ландо оглядывал без удовольствия, но с инженерным волнением. И было любопытно – каким образом Савинков протащил адскую машину через границы, какие взятки совал таможене?

Эсер, поглаживая металл, восклицал:

– Взгляните, Максим Павлович, на это чудо техники! – Он чувствовал себя именинником. – Вы любите одухотворять механизмы. Что вам эта бомба напоминает?

– Не что, а кого, – отвечал Ландо. – Жирную свинью! Отвратительную свинью, которая обожралась порохом и динамитом, и вот-вот треснет от самодовольства!

– Не треснет, – задорно возразил эсер, – я взрыватель вывинтил. Но причем тут свинья? Не напишут же в газетах: надесь его императорское величество приказали долго жить после удара свиньей? Хе-хе! Нет и еще раз нет! Взгляните на изгибы этого тела, на голову, на хвост! Не кажется ли вам, что это ангел мести?

Он подбочился и стал рисовать для Ландо картину покушения. Попросил его вообразить раннее утро в Царском Селе. Отличная погода, солнце, ничто не предвещает угрозы... Царская семья сидит за чаем... И вдруг – страшный вой.

Императрица подбегает к окну – к небу синий аэроплан, который стремительно пикирует на дворец. Всеобщее замешательство, даже паника... Но поздно, поздно! Грохот!.. Срываются с гвоздей картины, рушатся стены, сыплется позолота, падают балки и колонны. И погребают под собой не только ужасного царя, но и все прошлое России.

Бомба, затаившись, лежала на козлах в ангаре, словно бы тоже слушая фантазии террориста.

– Признайтесь уж, сударь, – сказал Максим, – что вы совершили понюшку до моего прихода?

Эсер замахал руками, как мельница крыльями.

– Что вы, можно ли одурманить себя перед летным испытанием? Клянусь, ни щепотки!

– Значит, вы поэт. Овидий жалкий школяр!

Савинков настороженно замер.

– А ведь вы почти попали в точку. Как думаете, чем я занимался в Париже?

– Наверное, планировали очередное покушение, – съязвил штабс-капитан. – Уж не кайзера Вильгельма хотели торпедировать?

Савинков не обиделся.

– Не угадали! Сочиняю роман. Называется «Конь бледный». Думаю, очень будет знаменит. В. Ропшин – мой псевдоним.

Фридрих и Гретхен устали от закусок.

Подожли мастера-немцы. Опрятно одетые, в сюртуках, кепи и при галстуках, они курили трубки у ангара, поглядывая на еду.

Прибыли и пилоты «Альбатросов», которые сразу же потащили Ландо за ангар, чтобы забить легкого косяка.

Максим красовался в темно-синих бриджах, заправленных в сапожки на шнурках, в кожаной куртке, шлеме с очками. И в Танином шарфе вокруг шеи.

Савинков упылил куда-то на «Форде», а вернулся с девицами в немислимых шляпах. Они выпорхнули из машины и стали кокетничать с Максимом.

Гретхен наблюдала за ними со стороны сурово и настороженно.

Не успел авиатор удивиться, как Савинков представил девушек.

Вот сюрприз так сюрприз!

Оказывается, Матильда Мойсант и Хэриет Квимби, американские летчицы, приехали в гости к своей французской подруге Раймонде де ля Рош обсудить перелет через Ла-Манш. И Савинков уговорил их заглянуть на денек в Германию.

Матильда и Хэриет только что получили лицензии пилотов. Здесь их все восторгалось.

Они осмотрели орнитоптер, заглянули в ангар, чихая от пыли, выпили по рюмке.

Немцы ухватились за веревки, выкатили из ангара выехал самолет синего цвета с опознавательными знаками Российской империи и именем «Татьяна» на фюзеляже.

Баронесса задавала Ландо профессиональные вопросы. Например, насчет конструкции, которая напоминает ее «Moran Parasol L». Она еще не видела, чтобы на бипланы ставили два мотора. Хотя ей, француженке, было лестно, что мсье Ландо выбрал моторы Антуанет.

– Дамы и господа! – Сказал Максим. – Перед вами сверхдальний аэроплан. Были бы бензин и погода, «Татьяна» способна облететь земной шар.

Летчицы улыбались.

– Мсье Ландо, а почему «Татьяна»? – обмахиваясь веером, спросила баронесса по-французски. – Кажется, по-русски «аэроплан» мужского рода.

– Explain to us, please, mister Lando! We are very much intrigued! – поддержали Раймонду американки. – We already almost are jealous!

– I promise, that the following aeroplanes I shall name «Matilde», «Raymonde» and «Harriet»! – ответил штабс-капитан.

– Really?! We are rather flattered! Thank you! – обрадовались летчицы.

– Наберитесь терпения, господа! Вы скоро сами увидите, что это за машина!

Максим не торопил гостей, которые любовались аэропланом.

Пилоты «Альбатросов» говорили друг другу:

– Ausgezeichnet! Schaut, was für Linien! Превосходно! Взгляните, какие линии!

– Der Rote Baron würde sterben für Neid! Красный Барон умер бы от зависти!

Рабочие проверяли натяжение тросов.

Ландо забрался в кабину, пристегнул себя ремнями и закрыл фонарь.

– Конта-акт?! – не то чтобы вопросительно, а скорее торжественно крикнул немец.

– Есть контакт! – гаркнул из кабины Максим.

Савинков раскраснелся, даже вспотел, вытирая платком розовую плешь.

Крутанули пропеллеры, моторы взревели, винты стали вращаться, подняв такую бурю, что гости вынуждены были ухватиться за поля шляп, чтобы их не сдуло. Летчицы, опытные в таких делах, придержали подолы платьев. Что же касается Гретхен, то воздушный поток взметнул вверх все ее четыре юбки и обнажил белые панталоны с подвязками. К счастью, конфуз не был замечен присутствующими, поскольку они оказались поглощены стартом.

Вслушиваясь в рев двигателей, один из немецких пилотов прокричал на ухо другому:

– Unmöglich, Kurt! Er hat es geschafft, den Motor mit nur einnem Klick anzulassen! Невероятно, Курт! Ему удалось запустить моторы с первого раза!

Другой, придерживая фуражку, ответил:

– Was willst du denn, Adolf? Diese Russen sind das rätselhafteste Volk auf der Welt! Что ты хочешь, Адольф? Эти русские – самая загадочная нация в мире!

Ландо отпустил тормоза, и «Татьяна» начала разбег.

Через сотню метров она плавно поднялась в воздух, удаляясь.

Но потом биплан вернулся, и на бреющем полете лихо пронесся над головами. При этом некоторые закуски со столов попадали на траву. Также опрокинулась бутылка с вином.

Гретхен выпустила поводья, Кайзер заржал и поскакал по аэродрому, волоча за собой телегу с продовольствием. Фридрих бросился вдогонку, крича неприятные слова. Гости завопили от восторга, а Савинков, размахивая шляпой, закричал «Ура!»

Ландо зашел на посадку и безупречно приземлился недалеко от ангара. Навстречу бежали люди.

Первым подскочил Савинков с криком «Качать его! Качать!».

Ему пожимали руки, хлопали по спине.

Девушки-летчицы бросились целовать пилота по очереди, из-за чего лицо его покрылось пятнами помады.

Фридрих поймал коня. Перепуганный Кайзер, недружелюбно оглядывался на аэроплан.

Фрау Гретхен, одетая по случаю торжества в баварскую национальную одежду, пошла навстречу Ландо, неся роскошный бюст, будто для кормления гигантских младенцев, а впереди бюста – серебряный поднос, уставленный шампанским.

Все выпили и расцеловались. Девушки украсили аэроплан гирляндами из цветов, отчего он стал напоминать свадебного божка.

Ландо принес граммофон, грянули отрывки из модных австрийских оперетт. Повеселевшие мастера пустились прыгать по траве.

Быстрее всех опьянели пилоты «Альбатросов».

Они сидели в обнимку с американскими летчицами, подливали друг другу вина и, раскачиваясь, пели героические песни.

Баронесса Раймонда де ла Рош ни с кем не обнималась и поглядывала на подруг снисходительно.

Савинков выглядел задумчивым, мало ел, отчего-то хмурился, прислушиваясь к сальным анекдотам немцев. Он не поддержал рассуждения Фридриха об автомобилях, но, забыв о приличиях, поглядывал на округлости фрау Гретхен. А один раз, подойдя взять салату, не выдержал, и ущипнул повариху за ягодицу.

В конце концов, Савинков ухватил Ландо за локоть и увел.

Они пошли по летному полю в сторону заката.

– Мне кажется, – сказал, наконец, Савинков Максиму, – что лететь в Царское Село должны вы.

– Я?!

– Именно вы.

Мысль, которая точила его в Париже, и теперь не дает покоя. Он перебрал все возможные кандидатуры. В Европе, конечно, полно безработных летчиков, и он бы нанял хоть дюжину, используя связи баронессы де ля Рош с кругами авиаторов. Он советовался с Черновым и даже со стариком Кропоткиным. Решили, что лучше лететь Ландо. Нет?! Неужели Максиму не хочется разделаться с царем и войти в историю?

– При всем уважении к вам, я не полечу, – твердо возразил Максим.

Слава ему не нужна. К своим изобретениям он быстро теряет интерес, когда оно уже воплощено в материале. Для него достижение – не бомбежка Царского Села, не революция.

– Вы читали Циолковского? – спросил Максим.

– Этого чудака из Калуги? – уныло уточнил Савинков. – Не имел чести. Ходят слухи, что он не в своем уме.

– А я думаю, Циолковский гениален.

– Для террора его идеи пока бесполезны. Я Луну бомбить не собираюсь. Так вы не летите?

– Я не стану менять решение.

Савинков сжал зубы, по лицу его заиграли желваки. Он даже оглянулся, как бы ища предмет, по которому можно было бы треснуть, но вокруг была одна трава, поэтому эсер топнул ногой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.